

МАЙКЛ КИТИНГ

Новый регионализм в Западной Европе

Территория и политика

В поисках территории

Во многих отношениях территория является важнейшим свойством политической и социальной жизни. Она задает рамки политики и социального взаимодействия. Она поддерживает системы власти в государстве, будь то на национальном, субнациональном или наднациональном уровне, и в широком спектре негосударственных структур, включая религиозные, социальные и экономические. Суверенное государство — это территориально определенная политическая единица, власть и легитимность которой ограничиваются данной территорией. В рамках государства власть обычно делится, а правительство организуется на территориальной основе. Гражданство и права ограничиваются территориальным государством, а представительство, как правило, организуется по территориальному принципу. Таким образом, для современного государства территория играет важную роль в двух ключевых отношениях. Она поддерживает государство как принцип господства и контроля, а также структурирует систему представительства и участия в политической жизни в ее рамках.

Территория — это также ключевая составляющая экономического обмена и структуры рынков. Пространственная близость способствует обмену, облегчает коммуникацию и вызывает дополнительную деятельность, причем доступ к сырью, рабочей силе и рынкам структурируется территориальными факторами. Нововведения и обучение обусловлены территориальными отношениями. В равной степени территория — это движущая сила в производстве и воспроизводстве культуры, языка и обычаев. Она служит основой идентичности, поставляя символы, пространства и мифы для коллективных представлений и солидарности.

Принимая во внимание центральную роль территории для понимания политики, может вызвать удивление то обстоятельство, что в социальных на-

уках территория как фактор часто оставалась без внимания. Возможно, вездесущность территории приводит к тому, что ее считают чем-то самоочевидным или просто не принимаемым в расчет в качестве источника различий в политической жизни. Теории модернизации часто считали территорию свойством «традиционного» общества, причем под влиянием социально-экономических перемен значение ее уменьшалось. Дюркгейм одним из первых, но отнюдь не последним, утверждал, что территориальный критерий уступает функциональному при разделении труда и организации общества, прибавив, что «можно даже сказать, что народ тем дальше продвинулся вперед, чем более поверхностный характер в нем имеют территориальные разделения» (Дюркгейм, 1991, с. 179). Политические социологи после Второй мировой войны делали во многом схожие утверждения, предрекая, что территориальные расколы уступят место экономическим, поскольку периферийные территории войдут в национальные политические и социальные системы. Если территориальное своеобразие сохранялось, то это было результатом незавершенного процесса интеграции и его следовало отнести на счет событий и процессов отдаленного прошлого, нежели на счет нынешней ситуации. Экономисты также склонны были недооценивать территорию, если речь не касалась расстояния как составляющей производственных издержек. Их мир был миром лишенных корней индивидуалистических игроков, озабоченных максимизацией индивидуальной выгоды, и рынка как анонимной системы обмена, которая, в сущности, повсюду принимает одну и ту же форму. Возрождение пространственной экономики в последние годы в значительной степени было результатом усилий географов, планировщиков или социологов.

В 1990-х годах тезис о модернизации появился вновь, теперь уже в иной форме — в форме утверждения о том, что современные системы коммуникации ослабляют влияние пространства, разрушая его связь со временем. Проникновение территории в результате воздействия глобальных сил в экономику, культуру и политику разрушило их единство, а политические движения действуют, невзирая на прежние границы. Экономическое производство лишилось своих пространственных связей с источниками сырья, а технология сделала коммуникацию независимой от ограничений близости. Политическая и институциональная реструктуризация разрушила связь между территорией и политикой, расшатав основы территориального государства. Выделять тенденции всегда трудно, особенно во время стремительных социальных перемен, например 1990-х годов, но прежние предсказания упадка территорий оказались далекими от истины. Социологические идеи девятнадцатого века об исчезновении территории перед лицом модернизации предшествовали бурному росту территориальных политических движений конца столетия. Диффузионистские идеи 1950-1960-х годов с их самоуверенными предположениями о росте гомогенности сопровождались кризисом территориального представительства и ростом городских и региональных сил, а также националистических меньшинств. В этой работе я докажу, что в нынешнюю эпоху точно так же наблюдается не конец территориальной политики, а перестройка ее структуры и возрождение в новых и действенных формах.

Отчасти сложность, связанная с периодически всплывающим тезисом относительно модернизации, заключается в том, что отношения между функциями и территорией определены нечетко, вследствие чего они кажутся альтернативными принципами организации. Во время расцвета национального государства ученые, особенно в англо-американском мире, часто просто забывали, что государство было территориальной структурой, исторически случайной и никогда не бывающей полностью свободной от сложностей, и потому путали национальную интеграцию с распространением универсальных ценностей и процессов. Другие же, особенно воспитанные в духе традиции французского якобинства, полагали национальное государство единственной релевантной территориальной структурой, поэтому отделение социальных функций от государственной структуры считалось равнозначным концу самой территории. В сущности, территория и функции тесно переплетены, а территориальная логика функциональных процессов постоянно подтверждается, зачастую на новых и незнакомых территориальных уровнях. В конце двадцатого века экономические, технологические и социальные перемены служат не уничтожению территории, но изменению ее социальной значимости и восстановлению территориальных систем действия.

Еще одна причина того, почему кажется, что территория всегда возвращается, заключается в том, что она тесно связана с идентичностью и политикой, хотя это обстоятельство часто остается без внимания вследствие своей фундаментальности. Политические идентичности сложны и становятся все более разнообразными, но они сохраняют связь с территорией, пространством, родиной. Территория — это важнейшая основа политической мобилизации из-за своей связи с идентичностью, а также по чисто практическим причинам. Она также служит основой политического представительства и ответственности. Наконец, территория — это основа политической деятельности и государственной политики. Связь между этими элементами и территорией также меняется в нынешнюю эпоху, но она никуда не исчезает.

Вообще говоря, проблема, быть может, состоит не в том, что пространственное влияние отсутствует в социальной науке, поскольку социологи его попросту не искали. На протяжении долгого времени господствовал непространственный подход, теоретически допускавший, что схожее влияние в различных местах могут оказывать схожие переменные. Несомненно, такое положение сложилось под влиянием теоретиков модернизации и укоренившихся предположений, основанных на ограниченном влиянии образа жизни и работы в рамках национальных государств. Здесь есть и практические соображения. Опросы и другие виды исследования становятся чрезвычайно дорогими, как только в качестве одного из факторов в них включается территория, поскольку сам их масштаб значительно увеличивается. Концептуализация и построение моделей становятся намного более сложными. Данные имеют свойство устаревать, требуя новых исследований. Степень, в которой исследование руководствуется удобством и стремлением к экономии в объяснении, не получила широкого рассмотрения в социальной науке, но может приводить к искажениям. Исследования, непосредственно обращавшиеся к проблеме пространства, были довольно необычными, за исключением,

быть может, Франции, где богатая традиция политической географии и исторической школы «Анналов» через какое-то время породила множество исследований, в основе которых лежало пространство. Нежелание считать территорию движущей силой человеческого поведения также проистекает из интеллектуальной приверженности к универалистским объяснениям в социальных науках и стремления к научной строгости, предсказуемости и экономии. Оно во многом обязано нормативной связи универсализма с либерализмом, а партикуляризма с реакцией. «Холодная война», противостояние двух универалистских идеологических систем, восходящих к научному наследию девятнадцатого века, могло усилить эту тенденцию. Окончание «холодной войны» привело к возрождению интереса к партикуляризму, а то, каким образом она закончилась, безусловно, поставило под вопрос притязания социальной науки, заявлявшей о возможности предсказания на основе универсальных законов.

Некоторые ученые отрицали значимость территории для политики, утверждая, что сама по себе она ничего не прибавляет к объяснениям социальных и политических процессов. Возможно, социальные классы или религиозные и этнические группы неравномерно распределены в пространстве, но источником разнообразия служит классовая или групповая идентичность, а не сама территория. Эти исследования стремились проверить наличие территориальных влияний путем сравнения различных территорий и последующего соотнесения со стандартными функциональными и социальными переменными. Если по-прежнему оставалось различие, необъясненное этими переменными, то его приписывали самостоятельному влиянию территории. Такой метод исследования используется при изучении политического поведения, чтобы установить, оказывает ли территория влияние, независимое от классовых, религиозных и стандартных непространственных факторов, причем часто приходят к выводу, что территориальное влияние исчезает, как только становятся известны все остальные. Он применяется в экономике в форме анализа изменения долей, стремящегося оценить количество различий, объясняемых в соответствии со структурным составом региональных экономик, и количество различий, которые остаются необъясненными и потому могут быть приписаны территориальному фактору. Исследования такого типа страдают от обычных проблем. Во-первых, рассматривая территорию как остаток, как то, что остается необъясненным иными факторами, они не в состоянии объяснить само территориальное влияние. Просто предполагается, что территория тем или иным образом объясняет то, что невозможно объяснить иначе, не уточняя, что собой представляет территориальное влияние или каким образом оно действует. Тем не менее, территория – это вездесущий фактор, который структурирует и придает значение социальным факторам, поэтому не существует таких не связанных с территорией контрольных групп, с которыми можно было бы сравнивать. Анализ изменения долей, например, сравнивает экономические характеристики территории не с существующей вне пространства экономикой, а с агрегацией других пространственных экономик, обычно сгруппированных в государства и регионы произвольным образом. Исследования территориального влияния при го-

лосовании измеряют региональные влияния вопреки норме, определенной самым крупным регионом, и часто приходят к выводу, что для большинства людей территория не имеет значения, за исключением небольших, пограничных или периферийных регионов, поэтому, например, шотландцы голосуют «территориально», а жители южной и центральной Англии — нет. Вторая сложность этих исследований заключается в том, что они пытаются вывести территориальное влияние и процессы из индивидуального поведения, а потому риск впасть в «индивидуалистическое заблуждение» при построении гипотез больше, чем при проведении наблюдений. Это приводит к несовместимости, например, исследований, основанных на изучении поведения избирателей, и экологических подходов, которые отталкиваются от территории, а также анализов инвестиционных решений предприятий, основанных на данных опросов, и исследований экономических показателей региона в целом. Проблема заключается в том, что при опросах, решениях, принимаемых исходя из контекста, взаимодействующие в пространстве факторы аналитически разделяются, а социальное конструирование значения утрачивается.

Если территориальное влияние существует, то оно сложно и динамично. Во-первых, оно представляет собой сочетание различных факторов в рамках данного пространства и потому не может рассматриваться независимо от них. Во-вторых, территориальное влияние — это сочетание этих влияний и их динамического взаимодействия, которое имеет результат, превышающий сумму своих составляющих. В-третьих, территория — это промежуточный фактор, который формирует другие структурные переменные и определяет их значение. Так, например, религия — это фактор политического поведения лишь в определенных пространствах и ни в каких других. Где-то католицизм призывает людей голосовать за правых, где-то — за левых. В одном контексте мелкие фермеры консервативны, а в другом — радикальны. Поэтому территорию необходимо считать не независимой переменной, обуславливающей существование в общественной жизни классовых, религиозных и других структурных факторов, а опосредующим фактором, благодаря которому остальные факторы постигаются и наделяются смыслом.

Существует несколько направлений, в которых территория может структурировать политическую, экономическую и социальную жизнь. Территория обеспечивает рамку восприятия политических проблем через систему ценностей и культурных допущений, которые, в свою очередь, укоренены в территориальном обществе. Территория, как система коммуникации, воспроизводит эти ценности, распространяет их и включает новые проблемы в систему ценностей. Неспособность принять это в расчет лежит в основе множества провалов годами проводимой государствами региональной политики, например предположения французского правительства, что крестьяне нижнего Лангедока могут безболезненно влиться в туристическую экономику обслуживания, или убежденности британских консервативных правительств 1980-1990-х годов, что угледобывающие и сталелитейные сообщества могут стать питомником независимых мелких предпринимателей. Неспособность понять природу территориальных сообществ также обусловила провал подушного налога, который правительство Тэтчер пыталось полу-

читать в индивидуальном порядке с членов бедных рабочих сообществ с традициями активного и пассивного сопротивления властям.

В той степени, в которой территориальное общество обладает целостной идентичностью, проблемы будут оцениваться в зависимости от их локального воздействия, а также их воздействия на социально определенные группы, например классы, этносы и гендеры. В свою очередь, территория может структурировать также проявления социальной солидарности и коллективные реакции. Формируя коллективных субъектов и структурируя восприятие, территориальные идентичности могут тем самым определять условия самого рационального действия. Например, транснациональная корпорация, участвующая в глобальной реструктуризации, для максимизации прибыли может быть заинтересована в закрытии завода. Местное сообщество в равной степени может быть заинтересовано в его сохранении, чтобы на местном уровне сохранить экономическую активность, и, поскольку они думают как территориальное сообщество, это их общий интерес. Экономисты и те, кто отвергают местную солидарность на том основании, что большинство местных жителей не видит в этом непосредственной угрозы и, с позиций потребителей и налогоплательщиков, должно выступать за стратегию глобальной максимизации эффективности, упускают самое главное.

Территория также может определять границы публичного и частного. Политика озабочена главным образом контролем над физическим пространством и ресурсами, властью и возможностями, которые она открывает. Поэтому территориальная политика может принимать форму частного присвоения пространства, монополизации пространства или исключения из этого пространства других. В Соединенных Штатах существует давняя традиция муниципального объединения как формы частного присвоения пространства и социального исключения, а в последнее время она распространилась на создание частных правительств, отвергающих общественный интерес в том, что касается пространства, и ставящих его на службу частным целям. Пространство также определяет публичную область, устанавливая пределы пользования общественными благами: чистым воздухом, здоровым жизненным пространством и доступом к природной среде. Именно пространство обуславливает невозможность исключения этих благ, именно оно может ограничить доступ к ним людям из других мест, но не местным жителям. В недавних исследованиях рассматривалась идея местных общественных благ, выходящих за рамки привычных категорий и включающих культуру, социальные институты и механизмы коллективного действия.

Контроль над пространством также имеет большое символическое значение. Он может принимать мягкую форму распространенного европейского обычая вывешивать четыре флага у здания муниципалитета: местного, регионального, национального и европейского. Но встречается и более опасная форма в виде традиции ежегодных шествий в Северной Ирландии, сознательно провокационного заявления прав на историческое пространство и предназначения его одной общности.

Территория как фактор социальной и политической жизни не может считаться просто двухмерной переменной или выводиться в качестве остаточного фактора, когда остальные объяснения исчерпаны. Она скорее представляет собой комплекс влияний в физическом пространстве, которые вместе формируют значение социальной жизни. Основным фактор — это, конечно, физическое пространство, которое непосредственно влияет на экономическую деятельность, социальное взаимодействие и образ жизни. Здесь нужно не попасться в ловушку географического детерминизма. Физическое пространство может обуславливать социальное взаимодействие, но не определять его. Причем значение территории как фактора в политике не исчерпывается физическим пространством. Самостоятельное значение территории обуславливается деятельностью, которую она охватывает, и чувством идентичности, которое она порождает. В таком широком смысле территория представляет собой социальную, экономическую и политическую конструкцию, несводимую к какому-то одному фактору. Экономическое значение территории составляют модели территориального обмена, связи между покупателями и продавцами, взаимозависимости в производстве, рынки труда и поиск работы на других территориях. Оно также включает деятельность сформированных на территориальной основе объединений, ставящих перед собой задачи развития, которые определяют территорию как подходящую единицу для развития и создают территориальные лобби. Как социальная сущность, пространство образуется моделями обмена в социальной жизни, устройством гражданского общества и моделями социальной солидарности. Чувство идентичности — это фактор, который основывается на этих процессах и, в свою очередь, упрочивает их территориальную основу. Наконец, территории образуются институтами, особенно государством, которое использует территории в целях государственной политики и в качестве основы представительства, а в последнее время — международными и наднациональными режимами, особенно Европейским союзом, которые формируют чувство пространства и способствуют образованию территориальных систем действия посредством своего политического вмешательства.

Как конструкция, территории представляют собой продукт истории, но находящийся в процессе постоянного преобразования. Такой французский историк школы «Анналов», как Бродель, описал создание пространств и их развитие во времени, а количественные исследования продемонстрировали поразительную преемственность политических и социальных моделей на протяжении значительных временных промежутков. Роккан и другие показали, каким образом важные события могут формировать модели территориальной политики, которая затем проводится не одним поколением. Территории — это результат сложного взаимодействия между их внешним окружением (экономическим, политическим и институциональным), с одной стороны, и их внутренней жизнью, с другой. Внешние силы опосредуются местными факторами, а локальные силы, в свою очередь, могут посягать на более широкую систему. Никакое пространство не может считаться

самодостаточной системой. Границы нестабильны и постоянно меняются, но чувство пространства зачастую никуда не исчезает. На общем и теоретическом уровне удивительно мало известно об условиях социального воспроизводства чувства пространства или территориальных системах действия. Попыткам объяснения территориальной политики с позиций рационального участника не удается принять в расчет мотивы участников, устройство территориальных пространств или допущения и отношения, лежащие в основе деятельности институтов. Другая крайность – представление зависимости от траектории предшествующего развития, согласно которому территориальная политика определяется прошлым опытом. Тодд (Todd, 1990) приводит впечатляющие данные о пространственной преемственности в Европе на протяжении веков, но скатывается к редукционистскому объяснению, приписывая ее структурам семьи раннего Нового времени. Патнэм (Патнэм, 1996) попадает в ту же ловушку, произвольно отбирая один из элементов длительного исторического опыта для объяснения современных моделей и пытаясь затем построить целую теорию социального действия на основе ограниченного исследования конкретной проблемы. Безусловно, при оценке роли территории в политике история должна приниматься в расчет, но ее следует рассматривать не как процесс, ограниченный прошлым, а как нечто сохраняющееся постоянно. Должны учитываться относительный вклад опыта прошлого и нынешние действия, социальная обусловленность и политический выбор.

Территории, как социальные системы, состоят из различных пространственных уровней. Как правило, их выделяется шесть: глобальный; континентальный; государственный; региональный; местный, городской или муниципальный; и соседский. Однако такая картина выглядит упрощенной и не всегда соответствует конкретным территориальным единицам. Территории, как пространства, не просто линии на карте. Они образуются функциями, культурой и общей идентичностью, политической мобилизацией и руководством, а также институтами. Возникающие в результате функциональные, культурные, политические и институциональные значения территории не всегда совпадают. Мы не можем, например, просто объяснить политическую реструктуризацию функциональными изменениями в экономике или предположить, что территориальная культура будет иметь политические последствия. Эти сферы могут совпадать в той или иной степени, а могут серьезно отличаться. Большая часть территориальной политики касается отношений между этими различными значениями пространства и направлена на то, чтобы привести их к общему знаменателю. Этот процесс определения пространства неизбежно приводит к конфликтам, поскольку он касается распределения власти и ресурсов, определяет референтную группу для государственной политики и вырабатывает определение социально-экономических проблем. Поэтому территория всегда вызывает ожесточенные споры, всегда переопределяется и перестраивается в политике, обществе и экономике.

Эта работа посвящена особому типу территории, региону. Тем не менее, регион – это ускользящее понятие, включающее различные территориальные уровни и широкое социальное содержание. Минимальным определением его был бы промежуточный территориальный уровень (между государством и местным уровнем), хотя и оно довольно широко и почти ничего не говорит о его территориальных масштабах, поскольку некоторые регионы в этом смысле больше некоторых государств. С большей уверенностью можно сказать, что регионы можно рассматривать в соответствии с географическими критериями, как физические пространства. Регионы бывают либо однородными, определенными топографией, климатом или иными жесткими характеристиками, либо узловыми, построенными вокруг общей центральной оси. Экономическое определение региона касалось бы общих моделей производства, взаимозависимостей, рыночных взаимосвязей и рынков труда. Более широкое функциональное определение добавило бы модели социального взаимодействия, включая досуг, отдых и модели путешествия. Такие функциональные регионы выделяются в столичных областях, сосредоточены в крупных городах и их пригородах, но могут охватывать и более широкие территории, включая провинцию. Однако при таком расширении они часто оказываются неустойчивыми, меняя свои очертания в соответствии с экономическими и социальными тенденциями. Регионы могут определяться по культурным критериям в соответствии с языком, диалектами или моделями социальной коммуникации или описываться в соответствии с чувством идентичности, переживаемым гражданами и политическими участниками. Такого чувства региональной идентичности в некоторых регионах может и не быть вовсе и даже там, где оно есть, его политические смыслы могут варьироваться от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения. Регионы могут также считаться институциональным делением, возникшим в ходе истории или созданным совсем недавно, и варьироваться от органов, созданных для удобства государственного управления, до политических институтов, построенных на основе политической деятельности. Эти различные определения региона не только не всегда совпадают, но и могут противоречить друг другу, как будет показано в нижеследующих примерах. Их отношение к государству также варьируется. Одна концепция считает регионы включенными в национальные экономическую, социальную и политическую системы. Многие исследования регионализма использовали перспективу центра-периферии для анализа этих отношений, считая регионы зависимыми от доминирующего центра или подчиненными ему. Другие концепции помещают регион в рамки континентальной системы и глобального рынка или даже понимают его как нечто, что ставит под сомнение государство как структуру идентичности и деятельности.

Первая карта (рис. 1) отражает только административное деление регионов Европейского союза. Хотя она используется для европейских задач, на практике в ней не ставится под сомнение государство как основа территориального деления и показывается не столько общеевропейское регио-

Рис.1

нальное деление, сколько сопоставление национальных единиц, масштабы и значение которых варьируются не только от государства к государству, но даже в рамках одной страны. Эти регионы выделены Европейской комиссией для удобства управления, но их политический статус заметно различается от государства к государству. В Германии, Бельгии и Австрии ими являются единицы, входящие в состав федеральных государств, тогда как в Нидерландах это группы провинций. В Испании, Италии и Франции существуют выборные региональные правительства, обладающие различным статусом и весом. В Англии регионы – это просто административные единицы, не имеющие собственных учреждений, тогда как в Дании и Ирландии регионов нет вовсе. На второй карте (рис. 2) представлена идея Европы «культурных наций» безотносительно к государственным границам. Здесь мы видим еще одну модель с различными в культурном отношении регионами, возникающими на периферии государственной системы и в плотном центральном поясе, тянущемся от северной Италии через Рейнланд к Бенилюксу. Этот пояс, промежуточная зона между крупными государствами, был главным маршрутом торговли в эпоху средневековья и раннего Нового времени и недавно вновь стал динамично развивающейся экономической зоной. Эта карта также отражает определенное представление о социальной реальности и коллективной идентичности. Можно создать и другие карты, показывающие регионы в соответствии с экономическими критериями или моделями функциональной зависимости.

Регионы, как и другие территориальные единицы, состоят из более или менее связанных между собой различных элементов. Там, где элементы гео-

Рис.2

графии, экономического единства, культурной идентичности, административного аппарата, народной идентичности и территориальной мобилизации совпадают, мы сталкиваемся с сильным регионализмом. В остальных случаях определения регионального пространства оспариваются, либо регионализм выражается в различных формах посредством экономического, культурного и политического измерений. В любом случае из-за неопределенности региональных границ и различных типов систем, к которым принадлежат регионы, они должны рассматриваться как открытые системы, а не как самодостаточные общества. Они представляют собой частичные социальные системы, функционально связанные с другими уровнями, а не глобальные общества, охватывающие тотальность социальных отношений, что является традиционным стремлением национального государства. Поэтому регионализм не оказывается альтернативным государственному принципу организации. Регионы нечасто пытаются вытеснить государство или получить государственные функции социального регулирования и легитимации.

Тем не менее, их существование влияет на деятельность государств, а появление сильных регионов изменяет соотношение власти и влияния в национальном государстве.

Регионы и регионализм имеют давнюю историю в Европе. Регионы предшествовали возникновению национальных государств и способствовали оформлению возникавшей государственной системы. Они веками служили препятствием на пути к созданию централизованного государства и национал-строительству и остались в качестве одной из составляющих государственной политики. Теперь, когда национальное государство вновь пытается перестроиться вследствие глобальных процессов, изменения отношений между государством и рынком, а также европейской интеграции, в политической жизни вновь появляются регионы. Тем не менее, сложно отвести им определенное место в истории и политике европейского государства. Социологам часто не удавалось найти регионы из-за того, что их просто не искали. Не так давно сторонники регионов и регионализма склонны были считать их чем-то совершенно новым, что преобразует систему власти, основывавшуюся до той поры исключительно на государстве. Тем самым упускалось из вида их наличие в истории и роль самой истории в создании условий для региональных идентичностей и поведения. Встречалось и упрощенное понимание регионализма, столь часто использовавшееся и вовсе для отказа от территориальной политики. Исторический редукционизм, о котором уже говорилось, считает регионы неизменными по ряду параметров с определенного момента в прошлом. Социологический редукционизм считает регионы простым отражением классовых сил, будь то силы рабочего класса, борющегося против государства, связанного с капиталом, или силы буржуазии, использующей регионализм, чтобы расколоть рабочих и разрушить социальную солидарность. Другая форма считает регионализм проявлением «этнического» конфликта, хотя строение этнической идентичности столь же проблематично, как и строение идентичности региональной. Но во всех этих случаях упускаются тонкости территориальной политики или роль регионов как систем действия. Чтобы оценить значение регионализма, нам следует рассмотреть его отношения с другими формами социального раскола и понять, каким образом региональная политика может быть распространена на другие типы политики при формировании региональной идентичности. В то же самое время нам необходимо принять во внимание значение исторической традиции, не относя объект исследования целиком к прошлому. Регионы — это зачастую хрупкие образования, нечетко определенные и содержащие в своих рамках сложные социальные деления. Постоянно существует опасность овеществления, приписывания региону особенностей, свойственных образующим его элементам. Схожей ловушкой является антропоморфизм, при котором регионы наделяются желаниями, интересами и стратегиями; ими вновь оказываются свойства региональных участников, а определение региональных интересов само по себе является сложным политическим процессом.

Далее регионы будут считаться социальными конструкциями в рамках территориальных границ. Территориальная составляющая при определении регионов, если о ней не говорится напрямую, является основной: соци-

альное, экономическое и политическое содержание регионализма варьируется по итогам политического процесса. Такое положение можно оспорить как с точки зрения ее пространственных пределов, так и с точки зрения ее социального содержания, поскольку этим обусловлено распределение власти, значение социальных интересов и распределение ресурсов.

Вопреки диффузионистским теоретикам, которые считали модернизацию разрушением территориального принципа, в современном государстве определение территории приобретает все большее значение. Вторжение современности, рынка и государства вынуждает людей задаваться вопросом о собственной идентичности. Теперь мало сказать, подобно силезским крестьянам, натолкнувшимся на графу в переписном листе девятнадцатого века, «мы – здешние». Теперь «здесь» должно быть соотнесено в своем определении с «там», наделяя людей чувством своего местоположения в рамках большего широкой территориальной системы. Современность также заменяет персонализированную власть властью институциональной, и она, как правило, организуется по территориальному признаку. Государство не только определяется по отношению к территории, оно внутренне организуется в соответствии с территориальными принципами. При расширении возможностей деятельности государственной власти встает задача определения ее влияния и пространственных границ. Например, если государство вводит всеобщее образование, то в регионах, где проживают культурные меньшинства, возникает важнейший вопрос о его организации с учетом национальных или местных требований. По мере расширения возможностей и влияния государств, они проникали в территориальные общества, распатывая прежние социальные отношения, перераспределяя ресурсы и размывая старые обычаи. Государства сами нуждались в территориальной основе для управления и либо приспосабливались к существующим моделям, либо стремились навязать свои собственные. По мере открытия территорий для современности, регионы становились участниками борьбы за ресурсы и политику благоприятствования в рамках государства и рынка.

Новый государственный порядок, возникший в 1990-х годах, вновь изменил задачи территориальной политики. Определенные пространственные ограничения экономической, социальной и политической жизни были ослаблены. В ряде производств близкое расположение к источникам сырья уже не так важно. Коммуникационные технологии разорвали связь между расстоянием и временем. Хотя в остальных отношениях влияние территории значительно выросло. По мере пропитывания государства рынком и международными режимами произошло переопределение территорий, а региональные участники вынуждены были установить более тесные отношения с внешним миром. Возросло межрегиональное соперничество за экономическое развитие. Дезинтегративные последствия рынка побуждают к поиску новых принципов территориального единства и ответственного правления. Появились новые формы регионализма и новые региональные участники.

Существует жесткая функциональная логика возникновения регионов, поскольку потребности экономической реструктуризации и изменение возможностей и задач государства указывают на региональный уровень как на

тот уровень, который позволяет дать подходящий ответ. В данном исследовании признается существование этих функциональных тенденций, но отвергаются функционалистские объяснения возникновения регионов. Функциональные потребности в различных контекстах интерпретируются по-разному, а их воздействие опосредуется культурными ценностями и политическими движениями. В политике редко бывает так, что форма отвечает функции, а телеологические объяснения (объяснение явлений, исходя из их последствий, а не причин), как правило, совершенно неадекватны. Из этого следует, что общая теория или регионализм, руководствующиеся экономическими изменениями, состоянием постмодерна или кризисом национального государства, невозможны. Явление слишком многогранно и обусловлено локальными обстоятельствами. Нельзя сказать, что все, что у нас есть, — это ряд непохожих друг на друга местных историй. Существуют общие тенденции, воздействующие на западноевропейское государство, и происходит возрождение регионализма, но формы, которые они принимают, весьма разнятся и, в конечном итоге, обусловлены политикой.

Новый регионализм

Меняющийся контекст

После значительной региональной активности конца 1960-х и 1970-х годов, в 1980-х в Западной Европе появились признаки стабилизации территориальной политики. Французские регионы, образованные в 1972 году, были слабо институционализированными и, несмотря на регионалистскую составляющую в программе Социалистической партии, так и не стали полностью самостоятельными правительствами, избираемыми напрямую, до самого конца срока правления социалистов в 1986 году. Институциональное развитие итальянских регионов после принятия закона 1977 года, расширившего их функции, было неутешительным. Предложения о передаче власти Шотландии и Уэльсу в 1979 году потерпели провал, а региональное правление в Англии сократилось с ликвидацией Региональных советов по экономическому планированию и созданием региональных отделений центрального правительства. Лишь в Бельгии и Испании в ответ на давление со стороны языковых и националистических движений продолжилась эволюция по направлению к регионализованному государству. И, тем не менее, даже в Испании Основной закон о согласовании процесса получения автономии 1981 года стал отражением попытки со стороны государства и центральных партий вернуть утраченные полномочия. Консолидация вокруг центра была приостановлена, а в ряде случаев повернулась вспять.

Однако с конца 1980-х годов началась новая волна регионализма. И вновь ее стимулировало функциональное давление в сочетании с новыми формами политической мобилизации и пересмотра социального и экономического значения территории, но на этот раз контекст задавался не только, как прежде, государством, но и менявшимся международным рынком и возникавшим континентальным режимом. Регионализм больше не контролировался ста-

рыми механизмами территориального размещения и обмена, но при этом он прекрасно вписывался в проект пространственного планирования. Государство само трансформировалось и в ходе этого утратило свою прежнюю способность справляться с пространственными изменениями и развитием. Его власть и авторитет размывались с трех направлений: сверху — интернационализацией; снизу — региональными и местными притязаниями; и со стороны — развитием рыночного и гражданского общества, ослабляя его роль в хозяйственном руководстве, социальной солидарности, культуре и формировании идентичности, а также институциональной структуре. Так возник новый регионализм, отмеченный двумя связанными между собой особенностями: он не ограничивается рамками национального государства; и он ставит между собой регионы в конкурентной борьбе, а не предоставляет новые роли в национальном разделении труда. Новый регионализм современен и предусмотрителен, в отличие от провинциализма, который противился переменам и отстаивал традицию. Тем не менее, старый и новый регионализмы продолжают сосуществовать в нелегком сотрудничестве, отыскивая новый синтез всеобщего и особенного.

Национальное хозяйственное управление стало более трудным вследствие увеличения мобильности капитала и возникновения транснациональных корпораций. Спекулятивные потоки капитала ограничивают свободу правительств в макроэкономической политике, зачастую вынуждая их поддерживать более высокую ставку процента, чем того требует внутреннее положение. Способность транснациональных компаний совершать капиталовложения усиливает конкуренцию за их привлечение, хотя государства не решаются оказывать фирмам поддержку в развитии регионов, так как затем они могли бы предпочесть попросту покинуть страну. Финансовое давление ограничило масштабы региональных расходов, а усилившаяся международная конкуренция привела правительство к поддержке своих наиболее конкурентоспособных секторов и регионов, а не наиболее нуждающихся. Региональные субсидии стали еще больше ограничиваться международными правилами торговли и конкурентной политикой Европейского союза, тогда как критерии схожести квалификации единой валюты еще больше ограничивают способность правительств проводить экспансионистскую политику. Все это расшатало разнонаправленную региональную политику и привело к сокращению арсенала инструментов, используемых государствами для управления своими пространственными экономиками. Но территория от этого не стала менее значимой. Напротив, общепризнанно, что экономическая реструктуризация зависит от определенных сочетаний факторов в конкретных пространствах. Поскольку государство неспособно играть роль посредника, которую оно играло в прошлом, воздействие глобального капитала на территории оказывается более глубоким. Возникло противоречие между глобальной логикой капитала, ищущего наиболее прибыльные места, и пространственно-ограниченной логикой регионов, которые стремятся привязать к себе капитал. Здесь присутствует диспропорция, поскольку пространство стало зависеть от мобильного капитала больше, чем капитал, способный выбирать между соперничающими пространствами, зависит от сколько-нибудь определенного пространства. Итак, по мере того, как государству все менее удается осуществ-

лять прежний контроль над своими пространственными экономиками, задача пространственного развития становится все более выпуклой.

Поэтому идет поиск новых механизмов управления воздействием экономических изменений на территории, связанный в большей степени с вкладом самих регионов и в меньшей степени с направлением планирования государственной политики. В политике теперь меньшее значение придается инвестиционным стимулам со стороны государства и большее – эндогенному росту или привлечению инвестиций при помощи таких связанных с регионами особенностей, как окружающая среда, качество жизни или трудовые ресурсы. Политика также сместилась с обеспечения инфраструктуры к человеческому капиталу и деловому развитию, задачам, требующим более тонкой способности вмешательства. Под влиянием классических представлений о промышленном районе ученые рассмотрели региональные экономические системы, характеризующиеся сетями территориальной взаимозависимости (Dunford and Kafkalas, 1992; Morgan, 1992). Исходя из этого, новая парадигма развития придает большое значение конструированию идентичностей, территориальной сплоченности и сформированных на территориальной основе систем действия, которые теперь более открыто противостоят международному рынку, чем будучи опосредованными государством.

Роль государства в определении и воспроизводстве национальной культуры также была ослаблена интернационализацией и ростом глобальной культуры, хотя, возможно, такая ситуация представляет собой результат американской культурной гегемонии, а не транскультурный продукт. В то же самое время, наблюдается возрастание роли местных культур и культур меньшинств, проявляющееся в новых притязаниях каталанского в качестве языка образования и управления или в возрождении валлийского среди некоторых слоев среднего класса. Технология имеет здесь смешанные последствия. Она облегчает распространение американской культуры и делает почти невозможным для государства воспрепятствование такому процессу; однако она может понизить стоимость производства и распространения культуры и тем самым увеличить жизнеспособность культур меньшинств.

Социальная солидарность остается важнейшей обязанностью европейского национального государства. Тем не менее, глобальная конкуренция и необходимость сокращения социальных издержек производства привели к значительному росту напряженности. Идентичности также меняются, становятся более сложными и многогранными, они формируются регионом, этничностью и гендером, а также традиционными факторами нации и класса. Ослабление классового сознания расшатывает классовые компромиссы, лежащие в основе послевоенного государства всеобщего благоденствия, а на отдельных территориях могут возникать новые формы социальной солидарности или способы сохранения государства всеобщего благоденствия. В какой-то степени свидетельством тому служат новые социальные движения, а также борьба против закрытия крупных предприятий и за предоставление коммунальных услуг.

В институциональном отношении государство также ставится под вопрос с трех сторон. Сверху – государству приходится делить свои полно-

мочия с международными и наднациональными режимами, особенно с Европейским союзом. В теории международных отношений ведутся споры о том, что образует международный режим и каковы его особенности, споры, в которые мы станем здесь вдаваться. В этом отношении понятие международного режима относится лишь к институциональной политической структуре, превышающей уровень национального государства. Точно также споры о том, отражает ли ЕС ослабление национального суверенитета или же он представляет собой механизм, посредством которого государства могут более эффективно использовать свой суверенитет, далеки от согласия. Тем не менее, в обеих оценках, наднациональной и межправительственной, локус принятия решений уходит с внутривластной арены, что ведет к разрушению старых связей между государствами и регионами и компромиссов, которые были возможны в прошлом. В институциональном отношении снизу государствам также бросает вызов рост региональных правительств как институциональных соперников, а также регионалистских и националистических движений меньшинств, требующих перестройки государства. Со стороны их влияние ослабляется развитием рынка, что само по себе служит ответом на глобальную мобильность капитала и взлет неолиберальной идеологии. Отсюда переход к приватизации и дерегуляции.

Много пишется о кризисе государства и конце суверенитета (Camilleri and Falk, 1992). Было бы ошибкой переоценивать степень упадка европейского государства, ведь оно сохраняет огромный арсенал сил и ресурсов. Также важно не попасться в аналитическую ловушку противопоставления мифического государства прошлого (всесильного, монополистического и суверенного) государству современному (слабому, плюралистическому и вынужденному делить свою власть с наднациональными, субнациональными и негосударственными силами). Как уже отмечалось, такие тенденции были всегда. Тем не менее, в государстве произошли серьезные изменения, к тому же, самостоятельное значение получили различные сферы социальной, экономической и политической деятельности, которые прежде охватывались государством. Наблюдается разрыв между системой представительства в государственных учреждениях и принятием решений, перешедшим к территориальным и социальным сетям. Следовательно, расхождение между политической, понимаемой как совместное обсуждение и борьба за власть, и государственной политикой растет. Такое разделение социальной реальности может иметь серьезные последствия не только для результативности действий правительства, но также для демократии и социальной сплоченности.

Международный рынок, современные коммуникационные технологии, которые разрушают связь между пространством и временем, и индивидуализация социальной жизни иногда преподносятся в виде разрушителей территории как принципа организации. Такая точка зрения может быть справедливой, если мы отождествляем территорию с классическим национальным государством. Однако если рассматривать территорию шире, то точнее было бы сказать, что пространство восстанавливается. В таком виде территория широко изучалась в отношении географии производства. Возникают новые пространственные системы производства, которые определяются как региональ-

ные комплексы, обладающие собственной внутренней динамикой и связанные друг с другом в глобальном масштабе. Некоторые наблюдатели экстраполировали новую пространственную организацию производства непосредственно на политику и правительство, предсказывая наступление «мира без границ» или «региональных государств». При экстраполяции появления регионов в качестве экономического движителя на сдачу позиций государствами в пользу регионального мира возникают три проблемы. Во-первых, совсем не очевидно, что функциональная реструктуризация создает единственную территориальную иерархию. Большая часть литературы, посвященной индустриальным районам, касается небольших областей, которые не соответствуют регионам в других отношениях, особенно в культурном и политическом. Во-вторых, не все регионы испытывают воздействие такой функциональной/пространственной реструктуризации; авторы преимущественно склонны рассматривать самые простые случаи и оставлять без внимания те, в которых территориальный принцип выражен слабо. В-третьих, функционалистские исследования пренебрегают самостоятельной ролью политики при формировании территориальных систем действия. Политическая и институциональная форма не обязательно отвечает функции, как могли бы утверждать марксисты, неолибералы, сторонники «постфордизма» или теории регулирования. Политические ответы могут пытаться приспособиться к новой функциональной логике, противостоять ей или же подчинять ее своим нуждам, но во всех этих случаях функциональная логика опосредована политикой. Люди редко бывают довольны тем, что ими руководят механические принципы, а ослабление государства как сферы деятельности может стимулировать поиск новых форм общественного пространства. Однако такое новое общественное пространство должно теперь строиться на различных территориальных уровнях, а не только на уровне государства. Там, где в государствах присутствуют территориальные разделительные линии, унаследованные от исторического процесса нацистроительства, современные глобальные переменные могут оказывать на них определенное воздействие, способствуя территориальной фрагментации. Тогда из старого возникают новые формы территориальной политики, как в Каталонии, Шотландии или Стране Басков. В остальных случаях традиция территориальной политики подчинилась новой форме, как в регионах Бельгии, где Фландрия и Валлония, относительно новые политические образования, основанные на территориально-языковых критериях, стали занимать прежнее политическое пространство за счет провинциальных и городских единиц. В другом случае территориальная политика выстраивалась заново, как в случае итальянских Северных лиг. Изначально регионализм не играл здесь значительной роли, но Италия — это западноевропейская страна, чей правящий режим был, возможно, больше всего дестабилизирован ко времени окончания «холодной войны» и возникновения новой Европы. Такие факторы в различных контекстах создают различные формы регионализма и территориальной политики.

В результате этого процесса регионы появляются в двух значениях. С одной стороны, они представляют собой политическую арену, которая задает рамки рассмотрения различных проблем, обсуждения политики, принятия решений и распределения ресурсов. Этому способствует тенденция к децен-

трализации в политике и социальных движениях и последовательная тенденция принятия территориальной системы координат при обсуждении политики. С другой стороны, обострение конкуренции за инвестиции, рынки и другие возможности на основе пространства может привести к замене политического соперничества внутри регионов межрегиональной конкуренцией. В ходе этого регионы начинают участвовать в новых системах принятия решений. В традиционной форме территориального управления отношения между регионами, глобальным рынком и международными режимами были опосредованы государством, как показано на Схеме 1. Регионы служат политической опорой государств и правительств и представлены в государственной политике. Взамен государство предоставляет покровительство и субсидии. Этот взаимный обмен был нарушен глобализацией, европейской интеграцией и развитием рынка. Теперь регионы становятся новыми пространствами построения политики в качестве систем действия и самостоятельных участников глобального порядка, как показано на Схеме 2. Это более сложный порядок, при котором государства лишаются своей посреднической монополии и способности контролировать собственные пространственные экономики. Регионы по-прежнему участвуют во взаимодействии со своими государствами, но у них также имеются прямые связи с международными режимами и с глобальным рынком. Их положение в рамках этих новых систем действия определяется независимо от их отношений с государством. В рамках режимов, наподобие Европейского союза, влияние оказывается многими способами и через различные каналы. Положение регионов на международном рынке зависит не от политических каналов представительства, а от их конкурентных преимуществ и умения успешно их использовать. Необходимо

Схема 1. Государства и регионы. Традиционный порядок

Схема 2. Регионы, государство и рынок

подчеркнуть, что государство никуда не исчезло и вряд ли исчезнет, но у него больше нет монополии над внешними связями регионов.

Конструирование регионов

Таким образом, произошло изменение структуры территориальной политики, в результате которого регионы стали играть более заметную роль, но регионы столь сильно отличаются друг от друга, что данный термин почти полностью лишен описательного определения. Как сказал Андерсон (Anderson, 1994, p. 6),

С самого начала этот термин был крайне неопределенным, колеблясь между специфически территориальным и общесекторальным, и использовался в самых разных метафорических и расширенных употреблениях.

Стремление регионов найти свое место в рамках множества различных национальных и наднациональных социально-политических структур усиливает своеобразие феномена. Мы можем лучше всего осмыслить регионы как пространства, не ограничивая понятие пространства исключительно территориальными рамками, а включив в него функциональное, политическое и социальное пространства. Регион состоит из территории, значение которой зависит от ее функционального и политического содержания. Регион — это также институциональная система (в форме регионального правительства) или совокупность административных учреждений, действующих на данной территории. Регион может включать в себя свои институты, практики и отношения, образуя особое гражданское общество. Наконец, ре-

гион может играть роль участника, способного четко сформулировать и преследовать общие интересы в государственной и глобальной системах.

Территориальное пространство

Один из способов определения регионального пространства – негативный, определение его в качестве промежуточного звена между государством и муниципалитетом, хотя даже здесь есть исключения, поскольку в некоторых случаях термин *регион* применялся по отношению к единицам местных органов власти. Существуют различия между центральными регионами, построенными вокруг крупных городов с собственными прилегающими территориями, объединенными экономическими связями, транспортом и системами функциональной взаимозависимости, и провинциальными регионами, занимающими большую часть территории государства. Они отличаются друг от друга; одни охватывают обширные области, тогда как другие формируются на основе меньших исторических единиц, а третьи представляют собой остатки объединения соседних областей. Даже в одной и той же стране регионы могут существовать на различных уровнях. В Германии существуют *Flächenstaaten* (которые простираются от северного Рейна – Вестфалии до Саара) и *Stadtstaaten* Гамбурга, Бремена и Берлина. В Испании встречаются крупные регионы, наподобие Каталонии и Андалусии, и простые провинции, ставшие автономными сообществами, наподобие Ла-Риохи и Кантабрии. В меньших по размерам странах Европы вообще нет никаких регионов, но, возможно, такая мысль тривиальна, поскольку эти государства по своим размерам сами образуют регионы. Даже на европейском уровне отсутствует неоспоримое территориальное определение региона. Комиссия ЕС использует систему «Номенклатуры территориальных единиц для целей статистики» с тремя уровнями, но они представляют собой простые агрегации территориальных единиц, а при проведении собственной региональной политики она использует по мере надобности целый спектр территориальных единиц. Поэтому регионы нельзя описывать лишь в соответствии с топографическими критериями. Их размеры и форма будут зависеть от тех функций, которые они должны выполнять, и моделей политической мобилизации, которые придают им политическое значение. Таким образом, территориальное описание само становится политической проблемой, поскольку проведение границ может изменить не только социальное содержание региона, но и политический баланс сил в региональных институтах.

Функциональное пространство

Одной из мощнейших сил, стоящих за новым регионализмом, является функциональная динамика экономической реструктуризации. Она привела к созданию новой территориальной иерархии и новых систем действия, которые могут избегать контроля со стороны национальных государств (Scott, 1996). Как уже отмечалось, из этого не следует, что правительство будет перестраиваться на этой функциональной основе, но можно проследить связь между функциональными потребностями и политической реструктуризации

ей, когда имеется политическая воля для ее проведения. Глобальная экономическая реструктуризация и технологический сдвиг ослабили прежние пространственное разделение труда, основанное на таких важнейших факторах, как сырье, доступ к коммуникациям или близость к рынку. Относительные преимущества, по сути, статическое понятие, когда регионы занимаются преимущественно теми видами деятельности, которыми, благодаря имеющейся совокупности факторов производства, им удастся заниматься лучше всего, уступила место динамической концепции конкурентных преимуществ. С такой точки зрения, разработчики политики стремятся максимизировать способность своей территории к конкуренции, обеспечивая ее ресурсами, особенно человеческим капиталом, которые чрезвычайно важны в глобальной экономике, и мобилизуя местные усилия. Это предполагает активную политическую позицию и сложную сеть частных и государственных связей для привлечения местных сил. Регионы становятся важным уровнем такого рода мобилизации, но со стратегиями, формируемыми политической динамикой.

Регионы могут стать подходящим уровнем для преодоления разрушительных тенденций в ходе соперничества местных органов власти за привлечение инвестиций. В крайне фрагментированных системах местных органов власти политический стимул для проведения местными политиками политики, направленной на привлечение инвестиций, часто приводит не к самому оптимальному итогу для столичных областей или регионов в целом. Промышленные участки обеспечиваются сверх меры, а инфраструктура удваивается. Стимулы (финансовые, где это возможно, или натуральные) быстро растут, что позволяет фирмам стравливать муниципалитеты друг с другом, не влияя на общий уровень инвестиций в этот регион. Тем не менее, пока все могут извлекать выгоду из кооперации, никто не станет заниматься этим на протяжении долгого времени, поскольку у других появится возможность наживаться, ничего не делая. Региональный подход способствует преодолению этих проблем, прибегая к кооперации. Регионы также могут быть наилучшим уровнем для управления различными сторонами трудовых рынков. Известно, что обучение рабочей силы является функцией, которая в последнее время в ряде стран была переведена на региональный и местный уровень.

Регионализм по-прежнему тесно связан с планированием, особенно в том, что касается крупных инфраструктурных проектов, которое, в отсутствие возможности принятия решений на региональном уровне, может привести к недостаточному (вследствие нежелания делиться внешними выгодами) или избыточному обеспечению (вследствие соперничества за привлечение дополнительных инвестиций). Примерами могли бы послужить порты, аэропорты, крупные шоссе, железные дороги, университеты и исследовательские центры, а также крупные промышленные площадки. Регионы также считаются подходящим уровнем для определения приоритетов и планирования капиталовложений, которые имеют последствия для широких территорий. Поэтому региональный уровень планирования часто вносился в секторально-определенные функции, например образование или здравоохране-

ние, даже там, где основная политическая ответственность возлагалась на другой уровень.

Регионы — место пересечения множества взаимозависимостей, которое считается важной особенностью современной формы правления. Такие взаимозависимости бывают и функциональными, когда одна функция тесно связана с другой, и институциональными. Поэтому регионы выполняют важную функцию посредников и в территориальном, и в функциональном смысле, будучи местом пересечения центральных и местных органов власти и уровнем интеграции функционально-дифференцированной правительственной политики. Такой была основная идея региональных инициатив 1960-х годов, наподобие французских Комиссий по экономическому развитию и британских Региональных экономических советов по планированию. Точно так же французские региональные префекты и английские региональные правительства появились в ответ на ощутимую функциональную потребность в интеграции. В Шотландии и Уэльсе эту роль долгое время выполняли децентрализованные министерства. Политические притязания на роль территориальных и функциональных посредников могут различаться. Роль территориального посредника может выполняться на региональном уровне в отсутствие собственной политической основы, обеспечивая место встречи и ведения переговоров между центром и местностью. Такую роль могут играть консультативные органы и многосторонние учреждения. С другой стороны, функциональная интеграция предполагает предоставление власти региональным органам для проведения общей политики и установления приоритетов. Она предполагает не просто посредничество между интересами, но пересмотр проблем с региональных позиций и приведение в соответствие с ней программ. Это политическая задача, и многосторонние органы, представляющие различные интересы, или органы, которые выражают какой-то один интерес, плохо подходят для ее выполнения.

Социальная солидарность не самая важная функция регионов; она, скорее, относится к национальному и местному уровням. Чувство идентичности и солидарности, которое необходимо подкреплять социальным перераспределением, связано с национальной идентичностью и чувством общности, причем на региональном уровне оно, как правило, ощущается слабее, за исключением, быть может, тех не имеющих государства наций, у которых сильна историческая идентичность. Десятилетиями существовало стремление к централизации социальных отчислений, вследствие чего государство располагает большой налоговой базой, а одинаковое обеспечение может сделать бессмысленным переселение в другой регион с целью получения более высоких выплат по социальному обеспечению. В то же самое время, социальная интеграция на уровне общины перетекла в муниципальные органы власти, обладающие знанием местных условий и наделенные соответствующими полномочиями. Предложения по децентрализации социальных расходов в пользу регионов выдвигались в Бельгии фламандцами, в Германии неолибералами в Христианской демократической партии и Партии свободных демократов, а также кое-кем в Испании, но возникла боязнь «скатиться вниз», поскольку регионы стремятся привлечь инвестиции, сокращая социальные издержки производства и урезая при этом социальные выплаты.

Регионы также могут стать пространством для решения культурных и языковых конфликтов при помощи территориального разграничения языковых областей. В большинстве западноевропейских стран есть зоны, где языки меньшинств наделяются особым статусом, которым они не обладают нигде более. Однако решать языковые и культурные проблемы на территориальной основе оказалось трудной задачей, поскольку языковые зоны редко соответствуют регионам, созданным с другими целями. Даже в Уэльсе, на территории с сильной исторической идентичностью, на валлийском говорит лишь меньшинство; та же картина наблюдается в Бретани и Стране Басков. В Бельгии несоответствие между территорией и языком привело к созданию двойной модели деволюции и образованию трех регионов (Фламандский, Валлонский и Брюссельский столичный) и трех языковых общностей (фламандской, французской и немецкой), которые сложным образом пересекаются территориально.

Регионы возникли, поскольку изменилось функциональное значение территории. В прошлом территориальная политика вращалась вокруг посреднической роли местных политических элит и проблем распределения. Они были ключевыми составляющими территориального обмена и размещения. Возникновение регионов знаменует собой новый тип территориальной политики, связанный с изменениями и модернизацией в новых рыночных условиях. И все же неправильно было бы выводить существование региональной политической динамики или эволюцию региональных институтов только лишь из функциональных потребностей. Эти функциональные критерии интерпретируются и наполняются смыслом благодаря социальным и политическим факторам, включающим культуру, идентичность, политику, а также институты и традиции, укорененные в региональном гражданском обществе.

Региональная культура

Национальное государство было мощной силой насаждения культурного единообразия посредством всеобщего образования, официальной языковой политики и управления, а начиная со Второй мировой войны средства массовой информации, особенно телевидение, способствовали укреплению этих национальных моделей. В большинстве стран оказывается значительное социальное давление для усвоения доминирующей формы разговорного языка и обычаев и едва удается скрывать презрение к культурам и языкам периферии. Модернизация ассоциировалась с национализацией, а к региональной культуре часто относились как к чему-то отсталому, реакционному или «провинциальному», причем провинциальное считалось противоположным не только национальному, но и универсальным ценностям Просвещения и прогресса.

В последние годы все изменилось. Языки меньшинств получили новый статус среди исторических народов Испании, где они теперь играют центральную роль в системе образования. Такой процесс языковой нормализации был неравномерным и намного дальше зашел в Каталонии, где местный язык всегда обладал высоким статусом и широким социальным охватом, чем

в Галисии, где городские средние классы до сих пор считают его признаком отсталости и крестьянского консерватизма. В Уэльсе язык получил институциональную поддержку со стороны государственной администрации, средств массовой информации и системы образования, так что теперь он является качеством честолюбивых профессионалов, нежели признаком современного сельского общества. Отсюда впечатляющая распространенность его среди англоязычных средних слоев южного Уэльса, которые все чаще отправляют своих детей в валлийские школы. Схожее явление наблюдается и среди не говорящего на баскском языке населения Бильбао. Языки меньшинств относительно благополучно существовали во Франции, где имеются лишь самые минимальные условия для их преподавания в школах, причем *на* них преподавать нельзя, где учебный план до сих пор остается единообразным и контролируется централизованным путем.

Сложнее оценить такое явление, как рост социального статуса диалектов в Скандинавии, Германии и немецкоязычной Швейцарии, где политические деятели стремятся использовать диалект для того, чтобы подчеркнуть свое местное происхождение и идентичность и послать тонкие сигналы своим избирателям. В Италии, по неофициальным оценкам, до сих пор диалектом регулярно пользуется примерно треть населения, что служит отражением значительного локализма культуры, хотя его употребление сократилось за последние тридцать лет; в 1955 году лишь около 11-12% населения правильно говорило по-итальянски. «Ломбардская лига» на начальных этапах своего становления пыталась сделать диалект средством политической мобилизации, но не добилась больших успехов. Во Франции, напротив, использованием диалекта отличается «старый регионализм» эмоциональной привязанности, традиции и даже сопротивления современности, и никогда не используется в политической коммуникации. Употребление диалекта в Великобритании резко сократилось со времени Второй мировой войны, но с 1970-х годов статус региональных акцентов вырос и теперь они встречаются не только на радио и телевидении, но и в выступлениях национальных политических деятелей.

Интерпретация прошлого суть ключевая составляющая культурной презентации региона, причем наблюдается определенный бум в региональной истории. Иногда это принимало форму «производства наследия», попыток эксплуатации реального или воображаемого прошлого для привлечения туристов; распространение тематических парков в некогда промышленных регионах Великобритании — хороший тому пример. В других случаях региональная культура романтизировалась или стереотипизировалась — таким способом образ жизни промышленной или сельской Европы может незаметно оказывать усыпляющее воздействие, чем во многом напоминает то, как романтические романы девятнадцатого века занимались поглощением прошлого. Однако встречаются и поиски «подходящего прошлого», совокупности исторических референтов, которые могут вести региональное общество иным путем к модернизации, соединяющей прошлое — через настоящее — с будущим. Возрождение серьезной региональной истории и оспаривание господствующих национальных интерпретаций прошлого становится инструментом, направляющим региональное общество к его будущему.

Регионализм возродился в искусстве, музыке и литературе, отражая падение престижа официально одобренных национальных культур. Местная и региональная литература пережила возрождение как диалектное письмо, хотя, как правило, дело ограничивалось только поэзией. Эта новая региональная литература и связанное с ней кинопроизводство менее склонны показывать ностальгические и сентиментальные образы местного общества и часто тяготеют к социальному реализму и репрезентации культурного плюрализма, разнообразия и социального конфликта.

Само по себе культурное производство не обязательно является политическим и легко может быть отделено от остальных сторон регионализма, но повышение значимости региональной культуры – важнейшая составляющая формирования современной региональной идентичности. Она отличается от националистических представлений об идентичности и развитии и, возможно, более тесно связана другими тенденциями в политике и экономике. Регионализм избавляется от своих провинциальных и архаических коннотаций и предлагает путь к модернизации и глобализации, оказываясь столь же обоснованным, как и путь, олицетворяемый национальным государством.

Региональная идентичность

Нетрудно заметить, что региональная идентичность – это ключевая составляющая при конструировании регионов как социальных и политических пространств и систем действия. Сложнее определить, из чего же состоит эта идентичность или каким образом она влияет на коллективное действие и политику. Одним из оснований региональной специфики служит существование различных ценностей, норм и форм поведения между регионами в рамках одного государства. Такая карта ценностей может быть наложена на карту ценностей государств, отслеживая основополагающие ценности, которые могут предшествовать государственной системе или быть от нее независимыми. Самые общие источники таких ценностей и моделей социальной коммуникации – религия и язык. Вообще говоря, они соответствуют границам государства, так как после Реформации государства определяли религиозную принадлежность своих граждан, а в девятнадцатом веке – в некоторых случаях и раньше – движущей силой национальной интеграции стала политика насаждения государственного языка. Тем не менее, в отдельных случаях, особенно в Германии, государство возникло после Реформации и религиозные деления в нем стали совпадать с регионами; другие государства, особенно Бельгия и Швейцария, были двуязычными или многоязычными. В двадцатом веке отделение церкви от государства и рост значимости языков меньшинств были неравномерными. Исследование европейских ценностей показывает, что северные государства, как правило, имеют одинаковые ценности, а Испания, Португалия и Италия обнаруживают значительное разнообразие. Однородность Западной Германии кажется следствием послевоенного смешения населения и разрушения старых местных и региональных субкультур. Бельгия демонстрирует удивительную однородность по различным параметрам, обстоятельство, связанное с ее общим религиозным наследием, в от-

личие от протестантских Нидерландов и светской Франции. Британия, несмотря на ее многонациональный характер, обнаруживает значительную однородность в ценностях. Разнообразие среди южных стран также связано с религиозными факторами, степенью отделения церкви от государства и антиклерикальными традициями различных регионов. С другой стороны, наблюдается определенное перетекание через национальные границы: Каталония обнаруживает сходство со средними Пиренеями, Бавария — близость с северо-западной Италией, а Шлезвиг-Гольштейн — с Данией. Валлония имеет значительное сходство с Францией, хотя Фландрия не имеет общих с Нидерландами ценностей; однородность Бельгии, таким образом, по-прежнему притягивает ее к французскому полюсу, который был исторически доминирующим. В конце двадцатого века эти религиозные факторы могут уступить место другим, особенно языку, поскольку в современном обществе социальная коммуникация нуждается в общем языке. В этом случае мы могли бы ожидать, что рост фламандского самосознания и политической активности, наряду с интернализацией социальной коммуникации во Фландрии и уменьшением франкоязычного влияния, приведет увеличению разрыва между двумя частями страны. Точно так же ценности, объединявшие Швейцарию, уступают место сеющим рознь языковым спорам в контексте современного государства.

Однако региональная идентичность по-прежнему остается довольно сложной и не всегда связанной с ценностными различиями. В исследовании региональной идентичности и ее связей с политическим действием присутствуют три составляющие. Первая — когнитивная, то есть люди должны осознавать существование региона и его географические пределы. Это, в свою очередь, требует знания о других регионах, с которыми свой регион может сравниваться и от которых он может отличаться. Люди также должны сознавать особенности региона, хотя такое сознание может заметно различаться: для одного регион — это пейзаж и ландшафт, для другого — кухня или фольклор, для третьего — язык, историческое наследие или политическая дислокация, а другие могут придавать особое значение экономическим структурам. Вторая составляющая — эмоциональная, то есть способ восприятия людьми региона и степень, в которой тот обеспечивает остов общей идентичности и солидарности в возможной борьбе с другими формами солидарности, включая классовую и национальную. Она позволяет объяснить когнитивную составляющую и связана с третьей, инструментальной, составляющей: используется ли регион как основа для мобилизации и коллективного действия в преследовании социальных, экономических и политических целей. Цели эти могут включать достижение региональной автономии или сосредоточиваться на более непосредственной социально-экономической политике и достигаться при помощи существующих структур.

При анализе этих идентичностей и оценке их значимости возникает ряд сложных проблем. Метод опроса — самый простой способ выяснить, каким образом люди идентифицируют себя самих, но инструмент опроса, по сути, затрагивает индивидуальный опыт, в значительной мере не связанный с контекстом, тогда как коллективная идентичность — это то, что переживается сообща. Поэтому, при отделении коллективной идентичности от индивиду-

альной, изолированные ответы рискуют впасть в индивидуалистическое заблуждение, которое возникает тогда, когда единицы наблюдения меньше единиц, относительно которых делаются выводы. Именно поэтому опросы часто не в состоянии зафиксировать коллективные мобилизации или объяснить коллективное поведение путем обращения к индивидуальной мотивации. Политический кризис, травматическое событие, волнующие воспоминания могут мобилизовать коллективные идентичности, которые на протяжении значительного времени остаются дремлющей составляющей отношения индивидов или никак себя не проявляют. Поэтому данные опросов должны дополняться подтверждениями в виде поведения и политического действия.

Еще одна проблема связана с созданием и воспроизводством идентичностей. Региональная идентичность может быть укоренена в исторических традициях и мифах, но, в своей современной форме, она представляет собой социальную конструкцию, созданную в специфическом контексте под давлением социальных, экономических и политических обстоятельств. Как и о других идентичностях, ученые спорят, насколько глубоко региональные идентичности укоренены в образующем опыте индивидов и насколько они могут отвечать краткосрочным потребностям, в каком объеме они проявляют себя при переходе от одних слоев общества к другим и в какой степени их изобретают элиты для своих собственных целей. Местные идентичности, преобладающие во многих частях Европы, как правило, основываются на личном опыте, индивидуальных контактах и событиях повседневной жизни. Региональная идентичность — другое дело, поскольку она нуждается в том, чтобы существовала связь между гражданами и людьми, о которых они знают только понаслышке, обеспечиваемая средствами массовой информации, политическими партиями или более широкими социальными институтами. Поэтому, как и идентичности национальные, региональная идентичность основывается на «воображаемых сообществах» (Андерсон, 2001), а не на жизненном опыте. Такие воображаемые сообщества суть продукт социальной мобилизации и политического руководства. Политические лидеры, конечно, участвуют в построении региона, поступая во многом так же, как прежнее поколение, участвовавшее в создании государства и нации, хотя успехи их весьма разнятся. Хотя Каталония является древней нацией, ее лидеры могут говорить о потребности *fer pais*, создании страны в современную эпоху. Французские президенты региональных советов и министры-президенты немецких земель использовали политические инициативы и коммуникации для построения регионального образа, одновременно укрепляя собственный личный статус в данном процессе. Итальянская Лига Севера участвовала в сложном процессе регионального строительства, который за несколько лет произошел переход от идеи экономически эксплуатируемого региона к построению альтернативной «национальной» идентичности. Она создала собственные социальные институты на местном уровне, а в 1996 году начала выпуск ежедневной газеты *La Padana*, которая давала собственную версию новостей и даже публиковала прогнозы погоды исключительно для северной Италии. Внешние наблюдатели насмеялись над этим как над совершенно искусственным занятием, хотя изобретенная история

Падания не многим более вымышленной, нежели официальные истории многих признанных наций, причем имеются свидетельства того, что послание нашло аудиторию и социальную базу в рамках региона. Новый государственный контекст облегчает это конструирование альтернативных идентичностей, одновременно ослабляя престиж признанных государств и позволяя региональным лидерам представлять свои регионы и себя самих на международной и европейской арене. В других случаях деполитизированная форма культурной идентичности или фольклор поощряются для того, чтобы минимизировать подрывной потенциал территориальной политики. Как и строители наций, строители регионов позволяют себе вольности с историей, ища легитимацию в предполагаемом прошлом. Фландрия обрела историческое единство, преодолев провинциальные и местные споры о своем реальном прошлом; Окситания была заново изобретена историками девятнадцатого века из традиции раскола и восстания; Падания была изобретена как «старейшее сообщество в Европе».

Еще один вопрос касается политической значимости и использования идентичности. Существование общей региональной идентичности в ее когнитивном и эмоциональном измерении не обязательно влечет за собой политические последствия. Это зависит от того, используется ли региональная идентичность как структура восприятия и оценки политических проблем, особенно при голосовании на выборах и референдумах. Следующий этап наступил с выдвижением требования региональной автономии. Здесь осуществлялись последовательные шаги в политической регионализации, поскольку второй (политизация идентичности) невозможен без первого, а третий (требование автономии) — без второго. С другой стороны, регионализм может остановиться на первом или втором этапе без перехода к третьему. Дело осложняется возникновением феномена множественных идентичностей вследствие изменения государственного и европейского порядка, разрушившего монополию государства на создание идентичности. Это позволяет людям принимать региональную идентичность, не отрекаясь от своей национальной идентичности или даже не особенно ее ослабляя. Таким образом, политика проявляет себя еще в одном важном отношении: вознаграждая тех индивидов, которые способны сочетать различные сферы деятельности и действовать на множестве областей, территориальных и социальных.

Объем имеющейся информации о региональных идентичностях в Европе довольно велик, но опросы, как правило, оценивают различные вещи в различных контекстах, и сложно сравнивать значение региональных идентичностей в различных странах и в разное время. Опросы во многом зависят от формулировки и контекста. Существуют французские опросы, выясняющие вопрос о том, в какой степени люди ощущают близость, результаты которых свидетельствуют о совершенно буквальном понимании людьми вопроса, когда они отвечают, что теснее всего они связаны с городом или деревней, затем с регионом, нацией и, наконец, с Европой. Опросы «Евробарометра» обнаруживают высокий или схожий уровень привязанности к городу или деревне, региону и стране, причем Европа явно стоит на последнем месте (Eurobarometer, 1991, 1995). Многое указывает также на то, что чувство привязанности к региону, как правило, более сильно среди наименее географич-

чески и социально мобильных людей и среди пожилых (Eurobarometer, 1995; Lilli and Hartig, 1995). Это служит подтверждением модернистского тезиса о том, что территориальные идентичности представляют собой характерную особенность традиционного общества и исчезнут в ходе секуляризации, модернизации и роста мобильности. Однако более глубокое исследование показывает, что это, как правило, связано с традиционным пониманием региона как пространства, культуры и образа жизни, а не с современным его пониманием как участника политической жизни нации и Европы. Именно это и означают опросы «Евробарометра», которые показывают, что странами с самым высоким уровнем сильной региональной идентификации являются Португалия, Греция и Ирландия – три страны, не имеющие регионального правления или регионалистских политических движений ни в какой форме (за исключением португальских островов). Современный регионализм, как правило, находит поддержку среди мобильных, молодых, урбанизированных и политически активных людей либо в модернизирующихся, преуспевающих и социально интегрированных регионах (именно так интерпретируются данные в работе: Putnam et al., 1985, хотя подчеркивается роль исторического наследия). Регионалистские партии также обращаются и к профессионалам из среднего класса. Следовательно, мы можем провести предварительное различие между «региональными традиционалистами», преимущественно деполитизированными или консервативными по своим взглядам и напоминающими консервативные регионализмы девятнадцатого века, и новыми или современными регионалистами, встречающимися среди более образованных слоев населения, заинтересованных в регионе как составляющей модернизации и построения Европы. Региональные традиционалисты могут быть незаинтересованными в региональной автономии, рассматривая регион с исключительно культурной и топографической точки зрения и предпочитая традиционные механизмы представительства в центральных и местных органах власти, включая объединения своих приверженцев и последователей. Современные регионалисты в большей степени ориентированы вовне и считают регион динамической силой экономических и социальных изменений. Все это – обобщения, поскольку значение регионализма формируется исторической и современной политикой региональных государств и характером региональных учреждений.

Иногда встречается конфликт идентичностей, когда исторический регион (или не имеющая собственного государства нация) выступает против государства, в которое он входит. Иногда регионализм был исторически совместимым с принадлежностью к нации и даже может быть важной ее составляющей. Иногда же регионализм бывает простым продлением местного своеобразия. Опрос «Евробарометра» обнаружил самую сильную региональную привязанность в тех странах, где также имеется самая сильная привязанность к местному своеобразию, что свидетельствует о существовании более расплывчатого территориального чувства, нежели сложившийся регионализм. Где-то региональный уровень выделяется весьма отчетливо. Этим объясняются парадоксы, наподобие результатов опросов, проведенных британской комиссией Килбрэндона в начале 1970-х годов, которые продемонстрировали одинаковую степень идентификации и поддержки самоуправления

в некоторых британских регионах, например в Шотландии. Проблема заключается в том, что они оценивали не одно и то же, поскольку в британских регионах нет никаких институтов, и опрос выявил не более чем неопределенное согласие с представлением, что местные жители должны сказать большее, хотя в Шотландии речь шла об особом плане, который людям был довольно близок и который выносился на политическое обсуждение, когда перечислялись все выгоды и потери. В каком-то смысле просто быть шотландцем означало быть оппозиционно настроенным по отношению к тому, чтобы быть британцем, хотя в случае Англии такого вопроса не возникало. В многонациональных государствах Испании и Бельгии региональная идентичность точно так же часто сочеталась с национальной идентичностью, хотя во Франции (ОП, 1997) и Германии быть регионалистом не значило быть в меньшей степени французом или немцем.

«Новый регионализм» основывается на связи между регионом и международным или европейским порядком, причем регионы стремятся найти свое место в государстве, Европе и на международном рынке. Опросы почти ничего не говорят о существовании этой связи на низовом уровне. Конечно, опросы показывают рост множественных идентичностей, связанных с регионом, государством и даже Европой, преимущественно среди наиболее образованных слоев населения, но связь регион-Европа или регион-весь мир не всегда очевидна. И это неудивительно, если мы считаем регионы, как и государства, творениями, а не спонтанными или примордиальными сущностями. Вопрос не столько в том, готовы ли граждане начать мыслить в региональном и международном масштабе, сколько в том, подходят ли они для того, чтобы политические элиты могли такую связь установить. И во многих случаях региональные элиты такую связь устанавливают. Это зависит не только от силы региональных привязанностей, но и от слабости национальных идентичностей и способности государств создать противоположный полюс притяжения. Исследование европейских ценностей обнаруживает высокую степень развития идентичности в национальных государствах на юге Европы, где государство служит воплощением нации и коллективной идентичности, но именно в этих странах государство было наиболее слабым и в значительной мере оказалось поставленным под вопрос глобализацией и европейской интеграцией. В этих обществах также низко доверие к государственным институтам, что мешает им стать агентами социализации в духе государства конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. Доверие к государству и чувство национальной гордости также довольно низко в Бельгии (Eurobarometer, 1991, 1995). В центральных регионах привязанность к государству, как правило, сильнее, чем в периферийных, а в областях, обладающих историческим, культурным или языковым своеобразием, наподобие Шотландии, Северной Ирландии, Страны Басков, Баварии, Шлезвиг-Гольштейна или регионов Бельгии, привязанность к государству, как правило, довольно слаба.

Также очевидно, что своеобразие ценностей не является необходимым условием для того, чтобы регион выработал собственную идентичность. Поэтому нужно, чтобы регион стал основой оценки политических и социальных проблем. На самом деле чувство территориальной идентичности может

усилиться вследствие упадка ценностных различий, причем субгосударственный уровень станет структурой для выражения и использования универсальных ценностей. Эта новая современная или светская идентичность может быть менее обязательной, чем прежние культурные ценности, играя роль механизма для коллективного действия в процессе изменения политических и рыночных условий и основываясь больше на рациональном расчете, нежели на эмоциональной общности.

Когда в определенных регионах возобладала региональная идентичность, Испания оказалась страной сильных и довольно политизированных идентичностей. Во время перехода к демократии в 1970-х годах регионалистские чувства были весьма сильны на периферии и доминировали над испанской идентичностью среди исторических народностей. В исторически сложившихся регионах, наподобие Арагона, Андалусии, Экстремадуры и Валенсии, региональная идентичность была сильнее идентичности провинциальной. Поддержка региональной автономии была довольно слабой, но вскоре, по мере развития процесса перехода, она возросла. В 1990-х годах двойственная идентичность была распространена почти повсюду, и только около 20% населения, проживавшего преимущественно в центральном регионе вокруг Мадрида, обладали исключительно национальной идентичностью (CIRES, 1996). Такая региональная идентичность имеет несколько измерений (культурное, экономическое и политическое), но наблюдается тенденция к корреляции более политизированных форм региональной идентичности, предполагающих поддержку автономии, с высшим образованием и социальным статусом. В Галисии, бедном регионе, известном недостаточной социальной модернизацией, сильное чувство идентичности и почти полное господство регионального языка соседствуют с довольно слабой поддержкой автономии; по опросам 1988-1989 годов, она оказалась регионом, менее всего стремившимся к автономии. Галисию можно считать образцом традиционалистского регионализма: такое явление в определенной степени проявилось и в Андалусии. В Каталонии, напротив, поддержка автономистского выбора высока и особенно высока среди лиц, получивших хорошее образование, молодежи и профессиональных слоев (Institut de Ciències Polítiques i Socials, 1995). Здесь автономизм отражает историческое чувство национальной идентичности, возникшее в борьбе против диктатуры, и связь с модернизационным проектом в контексте Европы.

В Бельгии создание регионов и региональных идентичностей началось относительно недавно, поскольку здесь исторически преобладало чувство принадлежности к провинциям, городам или широким языковым группам. Процесс регионализации в значительной степени стал ответом на языковой конфликт, но возникшие в результате институты развивались с тех пор динамично и самостоятельно, особенно во Фландрии, где существовала тенденция к установлению единого регионального/общинного института. Это сопровождалось проектом нацистроительства, предложенным фламандскими политическими элитами и нацеленным на создание нового политического пространства. Опросы показывают, что региональная идентичность действительно тяготела к замещению языковой идентичности в 1980-х годах, особенно во Фландрии, поскольку языковая проблема была урегулирована, а на пер-

вый план вышли экономические проблемы. В конце 1970-х региональная идентичность стояла несколько выше бельгийской национальной идентичности, хотя также весьма заметными были и местные идентичности, что объясняется традиционным локализмом фламандского общества, борьбой фламандцев за признание в бельгийском государстве и соответствующей стратегией фламандских элит. Валлоны, напротив, идентифицировали себя с государством, в котором они традиционно занимали господствующие позиции. Регионализм был наиболее сильно развит среди хорошо образованных слоев населения, хотя ситуация и осложнялась присутствием множества других факторов. Сильный фламандский регионализм, как правило, встречается среди материально благополучных слоев общества, тогда как с конца 1980-х для Валлонии было верно обратное, отражая относительное экономическое положение этих двух регионов. Однако наиболее заметной тенденцией 1990-х годов стало возрастание значимости бельгийской идентичности, усилившейся за счет регионов и сообществ. Здесь имеет место поколенческий эффект: региональная идентичность и региональное правительство наиболее сильную поддержку получили со стороны населения среднего возраста, которое взросло в борьбе 1960-х годов, а наиболее слабую — среди старшего поколения и молодежи. Фландрию обычно считают, даже сами фламандцы, регионом Бельгии, что, возможно, отражает успешное отстаивание фламандских интересов в политике государства. Все это опять-таки свидетельствует о том, что региональная идентичность во многом зависит от контекста, формируется событиями и политическими стратегиями и может быть мобилизована для различных целей, но это не означает, что ее можно не принимать в расчет, поскольку национальные идентичности носят те же черты. Бельгийская национальная идентичность может быть мобилизована в чрезвычайных обстоятельствах, наподобие смерти короля или скандалов в связи с возвращением малолетних середины 1990-х годов, но все остальное время она остается эфемерным феноменом, поскольку у бельгийцев самое слабое чувство национальной идентичности в Европе (Eurobarometer, 1991). Поэтому противодействие регионализации политической жизни и тенденции тотчас же помещать политические проблемы во фламандский/валлонский контекст, даже если они не имеют никакого отношения к территориальному/языковому конфликту, невелико.

Немецкая региональная идентичность может быть довольно сильной, но, как правило, она не совпадает с земельной, за исключением, возможно, Баварии и трех городов-государств. Регион находится где-то между землей и городом. Наблюдается однородность ценностей, отражающая опыт миграции и разрушения местных субкультур после войны, но определенное своеобразие сохраняется в Баварии и Шлезвиг-Гольштейне.

Франция остается страной со слабыми региональными идентичностями. По опросам 1994 года, лишь 61% респондентов смог назвать свой регион, причем преимущественно они принадлежали к высокообразованным слоям населения. Большинство считало регион историческим и культурным местом или просто «территорией». Из тех, кто придавали ему функциональное значение, большинство считало его пространством экономического развития и лишь 3% — местом политических споров (7% поместили его как второй

вариант ответа). Это отражает состояние самих французских регионов, выделенных в соответствии с их культурными/историческими особенностями и особой функциональной ролью региональных советов, что свидетельствует о недостаточном политическом давлении, направленном на то, чтобы регионы могли стать реальными конкурентами государства. Когда просят оценить различные уровни управления, исходя из близости к ним, респонденты последовательно помещают их в территориальную иерархию: коммуна, департамент, регион, государство, Европа (OIP, 1995). Опросы показали, что люди считают регионы уровнем будущего, однако никакой массовой политической мобилизации для достижения этой цели нет.

В Италии по-прежнему остаются сильными местные идентичности; они укоренены в гражданских культурах и практиках, но в социальных ценностях юга, центра и севера наблюдаются заметные различия. Тем не менее, это во многом помешало кристаллизации политического регионализма. Опросы 1986 и 1992 годов показали рост идентификации со своим регионом, а не с государством, местностью или Европой/миром, с 10,3% до 12,4%, причем на севере цифра возросла до 15,1%. Местная идентичность, с другой стороны, за эти два года получила 49,6% и 35% соответственно. Также имеются данные, что влияние Лиги Севера на ее сторонников возросло — впервые в регионе с ними идентифицировало себя 30% населения (Bioglio, 1997).

Великобритания — многонациональное государство, в котором Шотландия и Северная Ирландия и, в меньшей степени, Уэльс, отличают себя от Англии (Keating, 1996; Chauvel, 1995). В регионах Англии, с другой стороны, региональная идентичность довольно слаба. Идентичность среди исторических народов Великобритании основывается не столько на резком различии ценностей, поскольку в этом отношении государство довольно однородно, сколько на их институциональном различии и историческом статусе. Здесь, как и среди исторических народов Испании и Фландрии, субгосударственный уровень соперничает с самим государством как структурой осмысления проблем и основой политической мобилизации. Шотландия, поскольку она со временем получила управленческие институты, которые теперь превратились едва ли не в органы самоуправления, достаточно освоилась с проведением политических дебатов и участием в политическом взаимодействии, чтобы стать основной референтной структурой для многих вопросов. В более длительной перспективе, условием существования Шотландии как исторической народности будет не ее «своеобразие» (McCrone, 1992), а ее способность выработать способ постановки и обсуждения общих проблем.

От этих примеров легко придти к заключению, что региональная идентичность, в смысле идентификации людей с региональными единицами управления или администрации, довольно слаба, за исключением исторических народов, наподобие Шотландии, Уэльса, Каталонии или Страны Басков. Это, конечно, служит препятствием для проекта Европы регионов, в которых старые «искусственные» государства должны распасться на как можно более «естественные» единицы меньшего порядка. Однако более искушенный анализ показывает, что территориальные идентичности — это составяющая установок граждан, но они податливы и меняются в зависимос-

ти от обстоятельств. Они не обязательно замещают собой национальные идентичности, но дополняют их. Территориальные идентичности часто оказываются слабыми и непрочными и часто входят в более широкие идентичности. Индивидуальные опросы фиксируют непосредственную идентификацию и стремления людей, но часто служат плохим руководством по поведению в конкретных обстоятельствах и в ответ на определенные стимулы. Регионы могут стать референтной структурой для политических оценок и действия, поскольку политические проблемы регионализированы, а социальные институты помещают политику в региональные рамки. Регионалистские настроения и требование самоуправления возникают, если это вообще происходит, на более позднем этапе, когда требования региональной политики остаются неудовлетворенными. Тогда прежние идентичности политизируются, как в Великобритании в 1980-х годах, либо возникают и начинают работать новые идентичности, как это происходит в Италии в 1990-х годах. Некоторые авторы продолжают считать регионализм признаком запоздалой модернизации, переходным этапом от досовременного религиозного общества к современному миру национального государства. Но точно так же можно сказать, что в девятнадцатом веке и в конце века двадцатого национальное государство часто оказывается слишком слабым, чтобы сформировать единую национальную культуру и идентичность. По мере угасания религии как определяющего признака идентичности, она может оставить позади себя осколки ценностей и поведения, отличающих один регион от другого, тогда как язык будет становиться все более важным. В то же самое время, возникают новые вопросы, касающиеся выделения региональных ценностей, поведения и идентичности, особенно связанных с их положением в глобальной экономике.

Регионы, партии и голосование

Один из критериев регионализации политики – существование региональных политических партий или региональных отделений национальных партий. Можно было бы ожидать, что на региональных выборах региональные партии будут более важную роль, чем партии общегосударственные, но оказывается, что, за исключением некоторых исторических народностей Испании, этого не происходит. В других случаях, национальные и региональные партии борются на региональных и национальных выборах, причем результаты выборов на региональном уровне, как правило, отражают результаты выборов на уровне общенациональном. Однако такое проявление однородности опять-таки может вводить в заблуждение, поскольку национальные партии могут приспосабливаться к региональным условиям, используя иные политическую опору и особые проблемы.

В Бельгии партийная система полностью регионализирована, поэтому избиратель не имеет возможности голосовать за общенациональную бельгийскую партию, фактор, который еще больше побуждает политических деятелей обращаться к региональным и местным проблемам и обуславливает то, что проблемы ограничиваются региональным контекстом. Регионализация национальной партийной системы ослабила позиции основных регио-

налистских партий и партий националистических меньшинств, Народный союз и Объединенная Валлония, а последняя и вовсе исчезла из политического спектра в 1980-х годах, хотя крайне правый Фламандский блок со своей опасной антииммигрантской платформой добился заметных успехов. Региональные партии в порядке вещей в Испании, где на выборах 1996 года восемь региональных партий завоевали места в парламенте, не дав своим основным соперникам собрать большинство голосов. Важную роль они играли в Каталонии и Стране Басков, где они получили приблизительно половину голосов, но им удалось добиться успехов в Галисии, Валенсии, на Канарских островах и в Арагоне. Всего региональные партии завоевали около 12% голосов. Что касается выборов в органы местного самоуправления, партийные системы Каталонии и Страны Басков совершенно отличаются друг от друга и находятся под влиянием националистических настроений. В Великобритании партийная система Северной Ирландии отличается от остального государства и ни одна из крупных британских партий не выдвигает там своих кандидатов. Шотландия и Уэльс имеют несколько иную систему; здесь действуют националистические партии, на недавних выборах получившие соответственно около 20 и 10% голосов, тогда как Консервативная партия была очень слаба и, в конечном итоге, в 1997 году лишилась всех своих мест. Этим обусловлена особая модель соперничества, связанная с местными проблемами, а доминировавшая Лейбористская партия пришлось столкнуться с небольшими, но серьезными соперниками. В Германии двумя регионализированными партиями являются Христианский социальный союз, основанный в Баварии, но состоящий в альянсе с Христианским демократическим союзом, который не выдвигает кандидатов в Баварии, и Партия демократического социализма (ПДС), которая успешно и активно действует только в Восточной Германии, где она в 1994 году завоевала достаточно мест (четыре), чтобы получить право на представительство в национальном парламенте. В результате модели земельных выборов в Восточной Германии и Баварии обладают заметными отличиями, хотя в других регионах местные проблемы такой роли не играют. В Италии регионалистские партии преобладают в политике на периферии — Валь д'Аоста и Трентино-Альто-Адидже — и иногда приобретают значительное влияние на Сардинии, но в других регионах они не играли большой роли до 1980-х годов, когда крупных успехов добилась Ломбардская лига, позднее переросшая в Лигу Севера. Крах национальной партийной системы позволил ей консолидировать силы в свою поддержку и провести кампанию на платформе противопоставления себя старому режиму и требования автономии для северной Италии. В течение нескольких лет ей не удавалось сделать реальностью воображаемый регион Паданию; к тому же, она выдвигала весьма двусмысленные конституционные требования, колеблющиеся между угрозой сепаратизма и федерализацией страны. Поэтому ее регионалистское послание уступило общему популизму и антигосударственничеству. В конце 1990-х годов она пережила удивительное возрождение, пустив корни в общинах северной Италии и открыто встав на сепаратистский курс. В 1996 году, благодаря этой жесткой линии, она получила 20% голосов в северной Италии. Регионалистские партии не добились больших успехов во Франции, за исключением

Корсики, где, несмотря на предпринимаемые с 1960-х годов усилия, успехи все равно не были значительными. Спорадически регионалистские движения возникали в Бретани, но обычно их поглощали господствующие партии. Поэтому некоторые бретонские регионалисты могли проходить в местные органы власти по спискам социалистов.

Региональные отделения национальных партий могут обладать той или иной степенью автономии. В Италии региональные структуры партий при прежнем режиме *partitocrazia* (партократии) были слабы по сравнению с провинциальными структурами. В Испании, напротив, региональные политические элиты усилили свое влияние в рамках национальных партий, а в регионах возможно возникновение своего политического класса. Там, где общегосударственные партии соперничают с силами националистических меньшинств или регионалистов, они должны наделять свои региональные отделения большей автономией, чтобы включиться в особое политическое пространство, а потому каталонская и баскская социалистические партии технически независимых, хотя и принадлежат к общегосударственной партии. Посткоммунистические Объединенные левые действуют в Каталонии под видом Каталонской инициативы с более либеральной, децентрализованной и каталонистской политической линией. Во Франции региональные структуры партий не играют большой роли, но местные лидеры на практике часто могут проводить свою линию политической стратегии, включая решения о том, где следует отказаться от перебаллотировки в местные органы власти и включить в местные избирательные списки представителей других политических образований. Это использовалось в 1970-1980-х годах для включения регионалистских сил в основные партии, особенно Социалистическую партию. В таблице 1 представлены основные региональные партии в Западной Европе.

Даже в отсутствии региональных партий территориальное своеобразие может проявиться в моделях голосования за национальные образования. Анализ значимости территории в поведении избирателей сталкивается с методологической проблемой, подобной той, с которой пришлось столкнуться в предыдущем разделе. Если основываться на данных исследований о соответствии поведения избирателей различным социально-экономическим особенностям, нетрудно заметить, что в данной картине территория отсутствует; в лучшем случае мы получим «географическое нарушение» социальных и культурных факторов. Такой подход к исследованиям выборов преобладал с 1960-х годов в англоязычных странах и в Германии. Если же взять за основу экологический подход, преобладавший во Франции, отталкивавшийся от территории и картографирования ее культурных и социальных факторов, мы получим совершенно иной результат, а территориальные факторы окажутся наиболее влиятельными. С 1980-х годов возросло значение территориальных подходов к исследованию территориального голосования, и возник новый синтез опросов и экологических методов. Новые подходы сосредоточились на том, каким образом территориальный контекст формирует поведение и интерпретацию действительности политическими партиями, даже когда они сформированы и организованы на национальной основе.

Таблица 1. Региональные партийные системы

	Отсутствуют общенациональные партии	Местные партии, получившие более 20%	Местные партии, получившие менее 20%	Региональные союзники общенациональных партий
Великобритания	Северная Ирландия	Шотландия	Уэльс	
Германия				Бавария
Бельгия	Фландрия Валлония			
Испания		Страна Басков, Каталония, Канарские острова	Галисия, Валенсия, Андалусия	Арагон
Италия		Ломбардия, Венето, Пьемонт, Фриули-Венеция-Джулия, Валь д'Аоста	Остальные северные регионы Сардиния	
Франция			Корсика	

В Великобритании рост пространственной поляризации при голосовании наблюдался с середины 1960-х годов, тенденция, усилившаяся в 1980-х и изменившаяся лишь частично в 1992 году. В этом году распределение голосов в пользу консерваторов столь сильно напоминало их распределение в 1910 году, что это заставило говорить о том, что этап общенационального классового голосования был историческим отклонением. Факторы, формирующие эти регионализированные модели, до сих пор недостаточно исследованы, но Пэтти и Джонсон (Pattie and Johnston, 1995) показывают, что различия в восприятии экономического благополучия своего региона играли определенную роль в выборе избирателей, по крайней мере, когда они возлагали ответственность на правительство, и что также имеет место самостоятельный региональный фактор. Изменение благосостояния избирателей, в свою очередь, способствовало изменению местных и региональных политических задач. Упадок консерваторов в Шотландии и Уэльсе после 1983 года был важным фактором в возвращении проблемы деволюции в область политических дебатов и даже способствовал возрождению интереса к региональному правительству на севере Англии.

Поведение испанских избирателей всегда было регионализированным. Со времени перехода к демократии до 1996 года консервативным партиям не удавалось завоевать национального большинства, потому что они не могли проникнуть в Каталонию и Страну Басков, где господствовали местные праворадикальные партии, объединившиеся с христианскими демократами и умеренными националистами. Социалисты, со своей стороны, могли

победить на национальных выборах в Каталонии, даже если националистическая партия Конвергенция и Союз (КиС) продолжала побеждать при голосовании в местные органы власти. Социалистам также оказалось легче, хотя и не без определенных сложностей, приспособиться к националистическим особенностям, чем консервативным партиям с их централистским наследием. В 1990-х, однако, консервативная Народная партия добилась некоторых успехов в Каталонии и Стране Басков, использовав связи националистов с социалистическим центральным правительством и предложив региональным средним классам умеренную альтернативу, — такая стратегия достигла своей высшей точки в договоре о сотрудничестве, заключенном с Баскской националистической партией (БНП) и каталонской КиС после испанских выборов 1996 года. Главной цитаделью социалистов по-прежнему оставался юг, особенно Андалусия, где сильные организации их сторонников позволили им пережить консервативный поворот середины 1990-х годов. Выборы в испанские местные органы власти проводятся по двум схемам. Для обычных регионов все они назначаются на один день и, как правило, считаются референдумами по общенациональным вопросам. Каталония, Страна Басков, Галисия и Андалусия имеют собственные календари выборов, причем выборы здесь касаются преимущественно региональных вопросов, за исключением Андалусии с ее особой партийной системой.

В Италии выборы в региональные советы касались общенациональных проблем и использовались общенациональными партиями в качестве составляющей их общегосударственной стратегии, но региональные факторы играли свою роль при голосовании на обоих уровнях. Географическая поляризация при голосовании после Второй мировой войны уступила место модели соперничества в период с 1963 по 1976 год, поскольку в это время коммунисты изменили свои идеологические позиции и расширили свое влияние. Затем, когда обе основные партии пришли в упадок, вновь проявилось региональное своеобразие. К 1990-ым годам христианские демократы отступили к «белому поясу» на севере и вотчинам своих сторонников на юге, тогда как коммунисты (переименованные в Партию демократических левых сил или ПДЛС) вынуждены были держаться преимущественно «красного пояса» в центре. Крах старой партийной системы после 1992 года привел к еще большей поляризации, поскольку новые партии использовали самые разнообразные стратегии для проникновения в различные регионы. «Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони выдвинула общенациональные лозунги, придерживаясь централистских позиций, тогда как ПДЛС стояла на позициях умеренного регионализма, консолидируя свое влияние в центре. Постфашистский «Национальный альянс» окопался на юге, где антифашистское наследие было слабее, и смог привлечь на свою сторону бывших христианских демократов при помощи централистского дискурса, связанного с политической перераспределением. Лига Севера сохранила прочные позиции на севере, несмотря на постоянные прогнозы о ее грядущем упадке.

В Германии, как мы видели, тенденция к гомогенизации при голосовании в 1950-1960-х годов появилась после краха старых субкультур, но сама эта очевидная гомогенизация скрывала за собой целый ряд региональных процессов. С 1980-х годов возникло некоторое различие в поведении избирателей

на севере и на юге, причем социал-демократы пользовались большей поддержкой на севере. Проникновение «зеленых» и крайне правых также было неравномерным. Неофашистским республиканцам, базирующимся в Баварии с ее правым наследием, удалось использовать разрыв, возникший в результате упадка ХСС после смерти его ведущего лидера Франца-Йозефа Штрауса, получив места в ландтаге и в Баден-Вюртемберге. В 1990-х годах основным различием было различие между западными и восточными землями. Во время объединения Германии в 1990 году ХДС одержал удивительную победу на последних восточногерманских и первых общенемецких выборах и консолидировал свои позиции на общенациональном и земельном уровне. Посткоммунистическая ПДС представляла серьезную угрозу слева, не давая социал-демократам добиться значительных успехов. Хотя голосование на земельных выборах в Германии считается продолжением общенациональных тенденций, возникновение системы из пяти партий привело к заметным различиям в контексте борьбы и при формировании коалиций, когда социал-демократы открыто демонстрировали стремление вступить в коалицию (или — в случае ПДС — получить внешнюю поддержку) со всеми остальными партиями, в зависимости от местных условий.

Наверное, излишне подчеркивать важность территории в поведении французских избирателей, поскольку исследования, посвященные выборам, во Франции всегда придавали ей большое значение. В 1980-1990-х годах во Франции из-за регулярной смены власти в партийной системе наблюдалась большая состязательность. Отчасти это отразилось в способности двух основных политических образований, социалистов и консервативного альянса ОПП (Объединение в поддержку республики) и СФД (Союз за французскую демократию), распространить свое влияние на всю территорию государства. В 1990-х годах социалисты и коммунисты постепенно отступили к своим старым цитаделям на юге, причем последние теперь главным образом ограничиваются «красным поясом» вокруг Парижа. Консервативные партии, со своей стороны, одинаково были способны конкурировать повсюду. Крайне правый Национальный фронт традиционно занимал сильнейшие позиции на средиземноморском побережье, но в 1980-х годах он расширил свое влияние на восточную Францию, а в 1990-х добился заметных успехов в промышленных областях севера, в прошлом — вотчине левых. На региональных выборах во Франции, как правило, преобладают общенациональные проблемы и общенациональные партии, и хотя территориальная основа важна для партийных лидеров, которые возглавляют списки, речь идет о местном, а не о региональном уровне. Регионалисты иногда могли выступать в общих списках с «зелеными», а иногда и входить в списки левых, но в целом региональные партии играли незначительной роли даже в регионах с сильной исторической идентичностью, наподобие Бретани. Однако фрагментация французской партийной системы препятствует простой национальной конфронтации на региональном уровне между основными партиями и требует ведения замысловатых игр или создания коалиций в каждом конкретном регионе с учетом относительного веса партий и личностей. Юридические ограничения на совмещение мандатов, приведшие к уменьшению роль национальных фигур в региональной политике, могут способ-

ствовать возникновению нового регионального политического класса. Несмотря на сосредоточенность во время кампании на общенациональных проблемах, два проводившихся после выборов 1990-х года опроса на выходе из избирательных участков показали, что 36% и 44% голосовавших соответственно принимали решение при голосовании на региональной основе, хотя 38% проголосовали иначе на региональных и кантональных выборах, проводившихся в то же самое время.

Отсутствие национальных партий не позволяет проследить региональные различия в поведении избирателей в Бельгии, и до 1995 года региональные и местные советы состояли из депутатов национального парламента. С 1971 года в различных частях страны наблюдались расхождения в поддержке основных политических объединений. Когда в 1995 году прошли первые раздельные выборы, они совпали с выборами национальными, и в ходе избирательной кампании поднимались в основном общенациональные проблемы, а не проблемы, важные для региональных и местных советов. С другой стороны, национальные проблемы, как правило, были регионализированными: особенно споры о будущем системы социального обеспечения, перераспределявшей ресурсы из Фландрии в Валлонию, которую многие фламандские политики, а также отдельные либералы-рыночники, хотели видеть регионализированной.

Территория всегда была важным фактором в поведении избирателей в скандинавских странах и, как показали референдумы 1994 года о членстве в Европейском союзе, ситуация не изменилась. В поддержку членства выступали в основном на юге, тогда как север и внутренние области Норвегии, Швеции и Финляндии оказали широкое противодействие. В действительности, региональное распределение голосов в Норвегии во многом напоминало не только европейский референдум 1972 года, но и референдумы первой половины столетия о монархии и запрете на алкоголь, что явно свидетельствует о сохранении сильных региональных политических культур.

Поведение избирателей в Западной Европе по-прежнему определяют региональные контексты, которые служат для интерпретации общенациональных проблем и рассмотрения местных. Возможно, в послевоенную эпоху и наблюдалась тенденция к гомогенизации, но она в большей степени была видимостью, чем реальностью, поскольку партии стремились приспособиться к соперничеству на национальном уровне, выступая с общегосударственными лозунгами, слегка варьируя их. С 1980-х годов эта тенденция застыла и, в какой-то степени, сменила направление на противоположное. Партии все чаще вынуждены учитывать различные условия и проблемы, возникшие вследствие изменения социального устройства регионов.

Социальное пространство

Важной составляющей устройства регионов является модель социальных отношений и степень, в которой совместный образ жизни принимает региональную форму.

Основные экономические группы интересов труда и капитала возникли в контексте национального государства, что, как правило, отражается в их

организации и ориентации. Тем не менее, на них влияет реструктуризация экономических и политических систем. Глобализация, европейская интеграция и свободная торговля обычно отдают приоритет капиталу перед трудом, поскольку он более мобилен. Крупные фирмы, таким образом, смогли уменьшить свою зависимость от определенных мест, иногда в результате сознательной стратегии или просто постоянно перемещаясь. С другой стороны, небольшие фирмы, как правило, более тесно связаны с местным рынком и менее способны перемещаться, что придает им более узкую местную или региональную перспективу. Интересы труда проявляются в использовании территории в качестве основы социальной мобилизации, что ведет к ослаблению классовой лояльности, замкнутости и сокращению сообществ. С другой стороны, профсоюзы придерживаются более широких форм социальной солидарности и с подозрением относятся к проектам децентрализации, которые позволили бы фирмам играть на противоречиях между регионами.

Такие противоречивые стремления обычно отражаются в отношении организации бизнеса и профсоюзов к регионализму. Бизнес склонен сопротивляться тому, что могло бы угрожать разделением рынка, но небольшой бизнес, скорее, склонен поддерживать региональную децентрализацию. Профсоюзы, когда их затрагивает эта проблема, чаще поддерживают региональное правительство, но настаивают на том, чтобы это не повлияло на регулирование национального рынка труда. И все это опосредуется спецификой конкретных государств и регионов. Немецкие деловые и торговые федерации организуются по земельному и отраслевому принципу с учетом сильной региональной структуры. В Бельгии, где действуют несколько крупных корпораций, деловой мир регионализован, а фламандские предприниматели занимают крайне децентрализованные позиции, стремясь избавить динамичную экономику Фландрии от того, что они считают бременем Валлонии. Профсоюзы делятся по конфессиональному признаку, но еще не по региональному или языковому, хотя со временем положение может измениться. Хотя общественные структуры постепенно разделяются при голосовании на фламандский и валлонский сегменты, переговоры о повышении заработной платы по-прежнему ведутся на общенациональном уровне. Испанская конфедерация предпринимательских организаций (ИКПО) создана на общегосударственной основе, хотя имеются и региональные подразделения, особенно в Каталонии. В то же самое время каталонские предприниматели тесно связаны с ИКПО, которую они использовали при ее основании в 1970-х годах главным образом как инструмент для достижения собственных целей. Две основные федерации профсоюзов ВСТ (Всеобщий союз трудящихся) и КРК (Конфедерация рабочих комиссий), в прошлом связанные с социалистической и коммунистической партиями соответственно, также действуют в общегосударственном масштабе, хотя КРК действует в Каталонии наравне с Национальной рабочей комиссией Каталонии. В Галисии и Стране Басков существуют региональные профсоюзы, которые придерживаются националистических или христианско-демократических взглядов.

Организации предпринимателей и профсоюзов на региональном уровне в Италии и Франции слабы, хотя местные торговые палаты обладают опреде-

ленным влиянием в городах. В Великобритании КБП (Конфедерация британской промышленности) действует в общегосударственном масштабе, но имеются и региональные структуры, которые, даже в Шотландии и Уэльсе, обладают некоторой автономией, хотя у малого бизнеса есть своя шотландская федерация. КП (Конгресс профсоюзов) также действует на территории всей Великобритании, хотя и имеет региональную структуру в Англии и собственный КП в Уэльсе. ШКП (Шотландский конгресс профсоюзов) совершенно независим, а профсоюзы, действующие в Шотландии, входят в него и в КП. Независимые профсоюзы некогда существовали и в Шотландии, но в период между двумя мировыми войнами они в большинстве своем слились с британскими профсоюзами, а остальные исчезли в 1960-х годах. С 1970-х ШКП оказывает определенное влияние на формулирование шотландских экономических интересов и требует политической деволюции.

Региональные группы наемных работников и предпринимателей формируют региональный политический контекст и сами им формируются. По мере обретения регионом влияния на уровне экономического вмешательства и реструктуризации, они стремятся создать институты, которые смогут усилить их роль в регионе и будут способствовать широкому обсуждению региональных вопросов. Таким образом, создается связь между экономической реструктуризацией и политикой или политиками, способствующими созданию и сохранению региона. Там, где уже есть сильное чувство территориальной идентичности и политическая мобилизация, как среди исторических народов, это обстоятельство приходится принимать в расчет, адаптируя к нему свои собственные структуры и стремясь одновременно действовать в рамках институтов государства. Другие организации гражданского общества — от церквей до спортивных клубов и культурных обществ — также способствуют созданию регионального пространства, укреплению идентичности и сотрудничества в стремлении к общим целям. Территориальные гражданские общества встречаются среди исторических народов и в четко обозначенных регионах, например Баварии, а также на большей части территории Скандинавии. Во Франции, Италии и во многих частях Испании гражданское общество действует на местном уровне — в городах или даже в сельских коммунах. Такая деятельность на местном уровне сама может быть частью региональных групп, более или менее взаимосвязанных, усиливая воображаемое сообщество, либо же она может быть изолированной и самостоятельной.

Существование региональных средств массовой информации также создает и поддерживает чувство социального пространства и ограничивает проблемы региональной перспективой. Немецкие СМИ крайне регионализированы. Пресса рассредоточена, доминирующая национальная еженедельная газета или печатный орган отсутствуют, а радио и телевидение децентрализованы и регулируются землями. Испанские СМИ тоже достаточно рассредоточены, причем большинство населения читает региональные или местные газеты. Так, в регионах выпускается значительная часть ежедневных газет, и даже общенациональная газета *El País* выпускает специальные издания для Каталонии, а с 1997 года и для Страны Басков. Наряду с национальными радио- и телесетями имеются станции, поддерживаемые самостоятельными сообществами, которые освещают региональные события и охватывают аудиторию,

говорящую как на испанском, так и на местных языках. Бельгийские СМИ целиком разделены по языковому/региональному признакам, освещая проблемы с различных точек зрения и гарантируя то, что большинство проблем будет рассмотрено с фламандских/валлонских позиций.

Во Франции и Италии государственные и частные каналы ведут трансляцию в общенациональном масштабе, а региональные каналы практически отсутствуют. Печатные СМИ менее централизованы, особенно во Франции, но они не всегда соответствуют регионам. Крупнейшая провинциальная газета Франции, *Ouest France*, всегда имеет одинаковый дизайн, но выпускается в нескольких вариантах для местных рынков. В Великобритании дело обстоит несколько иначе. В Англии доминируют СМИ, базирующиеся в Лондоне (хотя имеется ряд региональных газет); в Шотландии выпускаются свои массовые газеты, хотя они регионализируются в рамках самой Шотландии. Телевидение было важным фактором в развитии регионализма, особенно с приходом коммерческого телевидения, которое, с момента его возникновения в 1950-х годах, принадлежало региональным компаниям. *BBC* (Британская радиовещательная корпорация) имеет в своем составе «национальные регионы» – Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, а также в какой-то степени Англию, где освещаются местные политические проблемы и события.

Технологические перемены и дерегуляция разрушили основы национальных систем радиовещания и способствовали внедрению глобальной телевизионной продукции, но в то же самое время они снизили порог для местных и региональных СМИ. Это привело к росту местных и региональных передач и регионального освещения общественных проблем, но опять-таки последствия весьма различались в зависимости от политического содержания и значения регионов и регионализма.

Политика регионализма

Регионализм, как политическое движение и набор требований, принимает великое множество различных форм и всегда связан с различными идеологиями – от крайне правой до крайне левой через либерализм, социал-демократию и христианскую демократию. Для простоты мы можем выделить шесть типов, особенности которых в конкретных случаях могут смешиваться и противоречить друг другу.

Во-первых, существует консервативный регионализм, связанный с идеей общности чувств и сопротивляющийся модернизации, особенно там, где она принимает форму единообразного светского государства. В девятнадцатом веке регионализм, особенно во Франции, часто считался реакционным и противостоящим прогрессу, и многие французские интеллектуалы до сих пор считают это слово политически некорректным, нагруженным антиреспубликанскими коннотациями. Первоначальным требованием баскского движения было возвращение к привилегиям, основанным на традиционном авторитете и договоре, причем этот местный принцип стал своеобразным препятствием в отношениях между баскскими националистами и левыми. В ряде стран регионализм был составляющей христианско-демократической мысли, способом примирения традиции и современности, а также дей-

ствующим принципом дополнительности. Партия Пополари Луиджи Стурцо до прихода фашизма придавала особое значение регионализму как составляющей своего призыва к традиции и стабильности. Однако регионализм не был основным принципом христианской демократии и часто подчинялся тактическим потребностям политических партий, как это было в Италии после 1948 года или даже во времена Стурцо после Первой мировой войны, или эксплуатировался с целью привлечения сторонников. Как правило, традиционалистский и консервативный регионализм оставался в изоляции, поскольку регионализм все чаще связывался с модернизацией и переменами.

Одной из таких форм модернизации является «буржуазный регионализм» в индустриальных и экономически развитых регионах. В этих случаях активная буржуазия стремится сбросить с себя оковы архаического государства или создать более современные административные и политические структуры с тем, чтобы способствовать индустриальному развитию. Исторический пример — каталонское движение на его «регионалистском» этапе в конце девятнадцатого века, когда оно стремилось модернизировать Испанию путем ее «каталонизации». В качестве современного примера можно привести немецкие земли, наподобие Баден-Вюртемберга, Фландрию или даже современную Каталонию, связанные с «четырьмя моторами Европы», консорциумом регионов, каждый из которых наиболее развит в технологическом отношении в своем государстве. Этот процесс, как правило, встречается среди тех регионов, которые считаются центрами нового регионального торгового порядка. В современных условиях ведущую роль часто играют не частные предприниматели, а современная региональная технократия, обычно связанная с управлением в государственном секторе и планированием как в правительстве, так и в университетах.

На левом фланге находится прогрессивный регионализм. Уже в девятнадцатом веке имелись регионалистские движения, которые придавали особое значение темам прогресса, демократии, реформирования государства и равенства, например просуществовавшее недолгое время движение за возрождение провансальской литературы и языка во Франции, прогрессивные движения в Шотландии и Уэльсе или меридионализм Дорсо и Сальвемини. В 1960-х годах возник новый регионализм, связанный с либертарианскими новыми левыми, экологистскими движениями и борьбой местных жителей против закрытия заводов. Такой регионализм брал на вооружение ранние идеи Грамши и современных национально-освободительных движений в «третьем мире», придавая особое значение неравномерному развитию и внутреннему колониализму. Однако он оставался довольно слабым из-за разнородности образующих его элементов и сложности построения альтернативной парадигмы экономического развития.

Социал-демократические движения тоже вливались в историческое регионалистское течение, хотя многие годы они отстаивали потребности якобинского государственного строительства и централизованного экономического и социального управления. С 1960-х годов это течение постепенно становилось все шире, но социал-демократические партии дожидались краха прежней социал-демократической модели централизованного государствен-

ного управления под действием глобализации, чтобы, наконец, обратиться к регионализму. Еще одним важным фактором был опыт оппозиции, когда социал-демократические партии фокусировали внимание на своей территориальной политической основе и на использовании новых возможностей, предоставленных местными и региональными органами власти. Это привело к важным изменениям в образе мысли Французской социалистической партии, Социал-демократической партии Германии и Лейбористской партии Великобритании, к которым можно было бы прибавить Итальянскую коммунистическую партию и ее преемницу – Партию демократических левых сил (ПДЛС), хотя энтузиазм по поводу регионов, более сильный в оппозиции, как правило, спадает по мере появления у партий перспективы возвращения к власти в центре.

Правый популистский регионализм направлен против централизованного государства, иногда против перераспределения бюджетных средств менее благополучные регионы, и часто против иммигрантов, будь то из других областей государства или из-за границы. В Италии первая серьезная территориальная оппозиция возникла не на отсталом Юге, а в конце 1980-х годов на Севере. Ломбардская лига, которая позднее переросла в Лигу Севера, отталкивалась от сочетания социального и территориального протеста с опорой на средний класс и мелких предпринимателей. Хотя первоначально она настаивала на том, что она стремится не прекратить перераспределение средств в пользу Юга, а просто его ограничить и гарантировать, что средства будут потрачены правильно, нет никаких сомнений в том, что Лига использует настроения против Юга: отсюда ее чудовищно низкие показатели, когда она выставила кандидатов на Юге. Выдвигавшиеся ею предложения о федерализации Италии основывались на идеях столетней давности и оказали определенное влияние на общественные дебаты, но федерализм по-настоящему никогда не отвечал ее задаче создать для Севера особое макроэкономическое пространство. С конца 1990-х Лига перешла к сепаратизму и, хотя кто-то посчитал выходки ее лидера Умберто Босси простой показухой, она начала формировать серьезную основу для поддержки придуманной ею нации – Падании. Она теперь тесно связывает Север с Европой, предлагая, чтобы Падания присоединилась к центру Европы, создав собственную валюту и оставив южан самим разбираться со своими собственными деньгами. Социальной базой Лиги по-прежнему остаются мелкие предприниматели и жители небольших городов северной Италии, но в 1990-х года она привлекла на свою сторону значительное число представителей рабочего класса. После заигрывания с Лигой как средством нападения на коррумпированные партии старой системы, крупный бизнес обратился против нее (*La Repubblica*, 20 March, 1992). Изначально Лига использовала антииммигрантскую риторику и, хотя в начале 1990-х она ослабла, поскольку партия стремилась пробиться в политический центр и утвердиться в качестве конкурента в национальной политике, она вновь вышла на первый план в 1990-х и была направлена против неевропейских иммигрантов (*extracomunitari*) и албанских беженцев. Правый популизм также встречается у Фламандского блока, сочетающего фламандский сепаратизм с жесткой антииммигрант-

ской позицией. К крайне правому популизму пришли также некоторые французские регионалистские движения.

Наконец, на некоторых исторических территориях Европы существуют «националистические» движения. Водораздел между национализмом и регионализмом совершенно не ясен и становится еще менее ясным по мере переустройства государства. Самые серьезные сепаратистские движения — за исключением случая Северной Ирландии, который в большей степени является ирредентистским, нежели сепаратистским — это мирная и конституционная Шотландская национальная партия и баскская партия Народное единство, связанная с воинственным движением ЭТА. Левые республиканцы Каталонии (ЛРК) также выступают за независимость, но их поддерживают лишь около 8-10% населения. Основная каталонская партия, Конвергенция и Союз (КиС), как и большинство бельгийских движений, выступает скорее за перераспределение полномочий в рамках государства и в целом в Европе, нежели за создание собственного государства в классическом смысле слова. Пересмотренный подобным образом национализм одновременно возвращается к догосударственной эпохе в Европе, когда Каталония и провинции (хотя и не нынешние регионы) того, что теперь является Бельгией, пользовались широкой автономией при имперских режимах, и движется вперед к новой Европе, которая, по-видимому, открывает схожие возможности. Такое двойственное отношение к независимости также присутствует и у итальянской Лиги Севера, но здесь оно выражается в невероятных кульбитах политики, а не в долгосрочной стратегии развития.

Именно из диалектики этих различных регионализмов и государства, а ныне — международного порядка, возникает динамика политического регионализма. В каждом движении смешиваются различные составляющие. Каждое государство обеспечивает различные структуры возможностей и совокупность стимулов и ограничений, как, например, Европейский союз. Регионализм не обязательно является автономистским. Существуют интеграционные регионализмы, стремящиеся к полной интеграции своих территорий в нацию и уничтожению препятствий, мешающих их участию в национальной общественной жизни. Существуют автономистские регионализмы, стремящиеся получить пространство для независимой деятельности; и существуют дезинтеграционные регионализмы, выступающие за широкую автономию или даже отделение. Бедные регионы часто отдавали предпочтение централизации, особенно когда при этом имелись хорошие каналы доступа к центральному государству. Например, испанские регионы Андалусия и Экстремадура, пользовавшиеся привилегированными связями с социалистическим правительством в Мадриде в 1990-х годах, с большой осторожностью относились к вопросам дальнейшей децентрализации, особенно в том, что касалось финансов. Югу Италии не удалось создать автономистское движение, в значительной степени из-за зависимости от центра.

Когда в центральном государстве доминируют богатые регионы, они тяготеют к централизму, как во Франции и Великобритании. Напротив, не доминирующие в политике богатые регионы, скорее всего, будут настроены децентралисту, как Ломбардия или Каталония, хотя даже Каталония всегда стремилась уравновесить автономию доступом к центру — в последний раз в дого-

воре между правящей партией КиС и социалистическим правительством меньшинства в Мадриде между 1993 и 1995 годами, а затем в договоре с только что пришедшим к власти правительством консерваторов в 1996 году.

Нет никакой последовательности в отношениях между размещением регионализмов на шкале левые-правые и степенью интеграции или дезинтеграции, которой они добиваются. Вообще говоря, регионализм с 1960-х годов сдвигался влево, хотя есть и исключения, вроде христианской демократии каталонской КиС или правого популизма Лиги Севера. Отчасти это следует объяснять изменением отношений между классом и территорией. Капитал, став в девятнадцатом веке национальным, все более превращался в международный или, по крайней мере, европейский и способствовал развитию свободной торговли. Большой бизнес преимущественно выступал за сокращение государственного вмешательства и одобрял ослабление государственной власти перед рынком. Там, где необходимо вмешательство или действия государственной власти, он предпочитает, чтобы это делали те, кто с пониманием относятся к интересам бизнеса, а не политически управляемые органы, которые могут руководствоваться иными интересами. Поэтому, не выступая против региональной политики и механизмов обеспечения роста, они склонны с серьезным подозрением смотреть на региональное правительство и региональные политические движения. С другой стороны, труд все более территориализировался и, столкнувшись с реструктуризацией капитала вернулся к местным формам сопротивления. Это повлияло на левые партии, поднимавшие региональные вопросы и пытавшиеся найти способы установления большего социального контроля над капиталом.

Есть еще два типа регионализма, консервативный и оборонительный регионализм, укорененный в традиционном обществе, замкнутом и сопротивляющимся изменениям; и современный, космополитический и прогрессивный регионализм, в котором традиция используется как инструмент модернизации. Это различие отражается в общественном мнении, социальной деятельности и политических движениях. Однако, как правило, регионализм сдвигался в сторону прогресса, считался формой демократической зрелости и адаптации к современным условиям. В этой новой перспективе функциональная реструктуризация и политическая мобилизация совпадают с созданием нового политического пространства и сферы политики. И все же регионы есть не везде, и там, где они есть, они представляют собой продукт политической деятельности и регионального строительства.

Изобретение регионов

Регионы — это не данность или исторический пережиток, а социальная конструкция, постоянно создающаяся и изменяющаяся. Исторические элементы зачастую используются, но даже их значение обусловлено действием современных сил. В контексте сегодняшней реструктуризации государства, экономики и гражданского общества, значение и использование территории изменилось. Поскольку социальные и политические процессы в ряде отношений детерриториализируются, подчиняются глобальным системам или сводятся к взаимодействию индивидов как потребителей, происходит

ретерриториализация политики и возникновение новых политических пространств. Имеются серьезные причины, по которым политика, как правило, возвращается к территории: функциональные, политические и нормативные. Функциональная причина заключается в том, что многие процессы перемен, рассмотренные выше, включая экономическую реструктуризацию и культурное возрождение, в сущности, связаны с территорией, даже в эпоху массовых коммуникаций и высоких технологий. Правительство тоже, по сути, является территориальным, а попытки установления нетерриториального правительства вскоре приводят к ретерриториализации, поскольку ему необходимы структура и границы для деятельности. В политическом отношении территория по-прежнему служит наиболее эффективной базой для политической мобилизации и споров, выработки компромиссов и соглашений. Вполне возможно, что ослабление классовых и других видов принадлежности способствует возрастанию политического значения территории как организующего принципа в политике и основы политической идентичности. В нормативном отношении территория предоставляет рамки для демократического и ответственного правительства и определяет референтную группу для политического участия и включающего и недискриминационного осуществления прав.

Тем не менее, устройство территориальных систем весьма варьируется, в зависимости от совпадения различных чувств региона и политического лидерства и мобилизации, а также институциональных структур. Таблица 4 показывает некоторые различия, взяв в качестве индикаторов факторы культуры, идентичности, институций, особого гражданского общества и чувства экономического регионализма. В общих чертах, здесь можно выделить три типа. Первый — исторические народы: Шотландия, Уэльс, Каталония, Галисия, Страна Басков, Бретань и Корсика, к которым мы могли бы прибавить кантоны Швейцарии и Фландрию, обладающие сильным чувством культуры и идентичности, собственными гражданскими институциями и организациями, а часто и чувством экономического регионализма. Расширение этой категории привело бы к включению регионов с особым языком или исторической идентичностью, но без национальных притязаний, включая Сицилию, Сардинию, Валь д'Аоста, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венецию-Джулию (все в Италии), Наварру, Андалусию, а также, возможно, Арагон и Валенсию (в Испании), Лангедок и Эльзас (во Франции), Баварию и различные острова. Они различаются по формам самоуправления от швейцарских кантонов с их мощными автономными учреждениями до Бретани со слабым региональным советом или Шотландии и Уэльса, которые до сих пор имели лишь административную деволюцию. Вторая группа состоит из регионов, определяемых прежде всего своими институтами, которые используются для построения вокруг них политического пространства и эффективной системы действия. Сюда вошли бы немецкие земли, такие французские регионы, как Нор — Па-де-Кале и Рона-Альпы, и сильные регионы Италии, например Эмилия-Романья. Третья группа состоит из административных регионов, которым не удалось сформировать чувство общей идентичности и которые не отвечают критериям региона во всех остальных отношениях. Сюда вошли бы более слабые французские регионы, большинство итальянских регионов

и слабые формы региональных структур, встречающиеся в Англии, Скандинавии и Нидерландах. Наконец, есть такие места, где вообще сложно говорить о регионах. Среди них: Ирландия, Греция и материковая Португалия. Такое разнообразие на карте Европы предполагает наличие противоречивых условий для возникновения регионов как системы правления.

Перевод с английского Артема Смирнова

По изданию: MICHAEL KEATING, The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change (Edward Elgar, 1998), pp. 242.

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996.